

Сергей Темняткин

Я по́кóну кацкого!

Этнографические заметки

Книжка 3

Этнографический музей кацкарей
Марыново
2021 год

УДК 39

ББК 63,5

T32

ISBN 978-5-9527-0413-8

Текст, подбор иллюстраций: С.Н. Темняткин.

Дизайн обложки, оригинал-макет, компьютерная вёрстка: Е.М. Медведева

T32 Темняткин, С.Н. Я покóну кацкого. Книжка 3 (Текст) / С.Н. Темняткин : этнографические заметки. - 2021. -144 с.

Чёрно-белые снимки из собрания Этнографического музея кацкарей. Снимок на задней крышке обложки из семейного архива Георгиевских (Мартыново). Все прочие цветные снимки, если их авторство не указано в пояснениях к ним, С.Н. Темняткина.

Книга издана в авторской редакции.

Книга продолжает серию этнографических заметок о кацкарях – жителях Бассейна реки Кадки, протекающей на западе Ярославской области. Её главная тема – взросление молодёжи. Или, как бы сказали этнографы, инициация: переход из мира детства в мир взрослых.

УДК 39

ББК 63.5

ISBN 978-5-9527-0413-8

© С.Н. Темняткин, 2021

© Этнографический музей кацкарей, 2021

Это только сказки скоро сказываются, а книги пишутся долго. Особенно краеведческие, когда на прояснение какого-то факта порой уходят годы и за каждой строкой непременно должен стоять личный опыт автора. Очередная книжка «Я покóну каукого! Этнографические заметки» целый год и писалась. Неделя за неделей, по вторникам, в сообществе «Кацкая летопись» во «ВКонтакте» (https://vk.com/katskari_kl) появлялись небольшие по объёму очерки – это с тем, чтобы каукари-подписчики что-то уточнили, исправили, дополнили. Книга-то о них, и кому как не им знать о себе лучше. Наиболее интересные из отзывов помещены отдельно в разделе «Комментарии читателей».

Этнографический музей каукарей тоже целый год жил этой книгою, тем более что его сотрудники в настоящее время, пожалуй, единственные, кто танцуют традиционную каукую кадрэль-«долотó». Музейной интерактивной программе «На балу была, на бисёдушке...» почти десять лет, но она была пережита заново – с размышлениями, дополнениями, обсуждениями моментов, на которые раньше не обращалось внимания. И вот они, современные носители традиции: Николай Викторович Румянцев, Ольга Викторовна Розова, Ольга Николаевна Темняткина и, хочется надеяться, ученики Рождественской школы, откликнувшиеся на призыв перенять старинные танцы. Заведующая Мартыновским сельским Домом культуры Анастасия Владимировна Румянцева, гармонист Николай Иванович Петухов, фотографы и видео-операторы Ирина Александровна Давыдова и Ольга Алексеевна Перова – тоже члены единой команды.

Книга писалась год, но материал к ней копился три десятилетия. Многих рассказчиков и рассказиц, чьи воспоминания легли в основу очерков, уж нет в живых. Осталась только память, и вот она – перед вами....

С ува́гою, Сергей Темняткин.

УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЁЖ

1820 год, января 21-го дня. В церкви села Юрьевского венчание. Священник выводит привычное:

– Венчается раб Божий Неофит рабе Божией Пераскеве...

А дьячок уж делает запись в метрической книге: «Жених: деревни Мартынова крестьянина Трифона Конанова сын отрок Неофит – 15-ти лет. Невеста: той же деревни крестьянина Афанасья Миронова дочь девица Пераскева – 14-ти лет...»

Ой, какие молоденькие! Да можно ли венчать-то таких? В первой трети XIX века было можно.

Юношам на Руси дозволялось вступать в брак с 15-ти лет, девушкам – с 13-ти, пока 19 июля 1830 года император Николай I не подписал такой указ: «Желая предохранить верноподданных от тех, известных по опыту, вредных последствий, кои происходят от сочетания браков между несовершеннолетними и потрясают добрые нравы, признали мы за благо повелеть, дабы воспрещено было священникам отныне впредь венчать браки, если жених и невеста не достигли ещё первый 18-ти, а последняя 16-ти лет». Привычным нам одинаковым 18-летним брачным возрастом женихи и невесты уравнились «Кодексом законов о семье, браке и опеке» в 1926 году.

Но вернёмся к первой трети XIX столетия. Метрические книги по Мартынову свидетельствуют, что за очень-очень редким исключением вся деревенская молодёжь в то время к двадцати годам уже была семейной. И если у парня старше двадцати лет ещё был шанс найти себе в жёны «девицу», то все девушки «за двадцать» были просватаны исключительно вдовцами. И вообще с браком в дореволюционной России было лучше незагдливаться: священникам запрещалось венчать стариков... старше 80-ти лет.

Деревенские парни... Жили бы они на полтора века раньше, почти все были бы женаты. Снимок 1954-1956 годов, д. Чернево.

РАННИЕ БРАКИ – ПОЗДНИЕ ДЕТИ

Торопясь с заключением брака, кацкари совсем не спешили... с рождением детей! По крайней мере, в первой половине XIX-го века.

К такому неожиданному выводу пришла сотрудница Этнографического музея кацкарей Анастасия Николаевна Бутусова, изучая в Угличском архиве метрические книги по деревне Мартынову Кацкого стана. Ну вот типичная судьба кацкарки того времени: Неонила Терентьев(н)а родилась 29 октября 1809 года, замуж вышла в свою же деревню 31 января 1826 года, а своего первенца Ивана родила 14 сентября 1833 года. То есть, выйдя замуж в шестнадцать лет, детей она начала рожать... с двадцати трёх! Первые семь лет семейной жизни да без детей – как это!? Уж не единственный ли это случай?

В очерке «Деревня Мартыново в метрических книгах 1808-1861 годов» Анастасия Николаевна проследила судьбу 156-ти деревенских рожёниц (роженец). Почти все они были венчаны в 14-19 лет с женихами 15-24 лет, но рожать почему-то начинали далеко за двадцать, а то и в тридцать. 18-19-летние рожёницы в Мартынове первой половины XIX-го века – большая редкость, а моложе этого возраста их не было вовсе.

Вот такие загадки преподносят иногда документы. Почему наши предки не спешили обзаводиться детьми? Как молодым жёнам удавалось не беременеть так долго? Метрики молчат, а иных свидетельств на сей счёт живые носители тех давних порядков не оставили.

Первенец! Снимок
1970 года,
д. Владышино.

ПРИКАЗАНО ВЕНЧАТЬСЯ!

Ещё одна картинка из прошлого. 1800 год, мая 28 дня. Прикусив язык от усердия, дьячок Юрьевской церкви едва поспевает записывать:

«Жених: деревни Мартынова крестьянина Николая Семёнова сын отрок Ларион; невеста: той же деревни крестьянина Прохора Фёдорова дочь девка Пераскева первым их браком».

«Жених: деревни Мартынова крестьянина Наума Якимова сын отрок Иван; невеста: той же деревни крестьянина Клементья Афонасьева дочь девка Ксения первым их браком».

«Жених: деревни Мартынова крестьянина Яфима Григорьева сын отрок Савелей; невеста: той же деревни крестьянина Василья Васильева дочь девка Феодора первым их браком».

«Жених: деревни Мартынова крестьянина Карпа Ануфриева сын отрок Роман; невеста: той же деревни крестьянина Николая Семёнова дочь девка Пераскева первым их браком».

«Жених: деревни Мартынова крестьянина Андрея Иванова сын отрок Алексей; невеста: той же деревни крестьянина Кондратья Гаврилова дочь девка Марья первым их браком».

«Жених: деревни Мартынова крестьянина Василья Васильева сын отрок Максим; невеста: той же деревни крестьянина Наума Якимова дочь Ксения первым их браком».

Шесть свадеб в один день и в одной деревне! Уж не помещик ли это Батурин выстроил в ряд холостую деревенскую молодёжь да и переженил её между собою!?

...Схожим приёмом пользовался в 1980-е годы председатель оргдинского колхоза «Победа» Василий Аршакович Багдасарьян. Прознав, что кто-то из парней находил себе «симпатию», он вызывал его себе и предлагал: «У нас в колхозе дом строится. Женишься – будет твой!»

За такой-то дом в новом посёлке и жениться можно!
Снимок 1986 года, д. Воронцово.

ЖЕНИХИ – КАЦКАРИ, А КТО НЕВЕСТЫ?

Есть у генетиков такой термин: «популяция» – сообщество людей, длительное время проживающее на одной территории и заключающее не менее половины браков в пределах этого сообщества. Сотрудница Этнографического музея кацкарей Анастасия Николаевна Бутусова решила разобраться, какая из кацкарей популяция? По сохранившимся в Угличском архиве метрическим книгам и брачным обыскам она подсчитала, что с 1780-го по 1920 год в её родной деревне Мартынове были сыграны 402 свадьбы. Все женихи, понятное дело, были мартыновскими уроженцами (в старину свадьбы игрались в доме жениха), но откуда они приводили невест?

И вот что выяснилось: если до отмены крепостного права, то есть в 1808-1860 годах, 160 (75%) невест были кацкарками и 53 (25%) – «заволóсными», то после отмены крепостного права, в 1861-1920 годах, кацкарками были уже 177 (94%) невест и только 12 (6%) – «заволóсными». (У здешних помещиков – Батуриных, а затем Башмаковых – имелись вотчины и за пределами Кацкого стана, оттуда и приводились в крепостную пору «заволóсные» невесты).

Сделать подобные расчёты по советскому времени, к сожалению, невозможно, потому как акты регистрации браков теперь хранятся в загсах и доступны только родственникам. Но можно прикинуть: в 2000-2020 годах в Мартынове проживали 62 семьи; в 42 из них (68%) оба супруга кацкари, в 18 (29%) – один из супругов «заволóсной», и только 2 семьи (3%) «заволóсные» полностью.

И какой из всего этого следует вывод? Кацкари и в наши дни предпочитают жениться на кацкарках, а их популяции, по меньшей мере, три столетия! Понятно, что такие браки способствуют как выработке единых для всего бассейна реки Кадки традиций, так и их сохранению.

Одна из кацких семейных пар:
Иван Матвеевич
и Александра
Дмитриевна
Матвеевы. Он
кацкарь, и она
кацкарка! Снимок
25 июля 1914 года,
д. Чернево –
г. Петроград.

ИНИЦИАЦИЯ ПО-ДЕРЕВЕНСКИ

— У кого какой милóй,
У миня мастеровóй:
На окошке ножички —
Шьёт полусапожечки!

Что ж, мастеровые женихи во все времена ценились. А если он ещё и поёт, и пляшет... Вот бы все были такими!

И как тут не позавидовать... первобытным девушкам? В их пору существовал (а у некоторых народов и до сих пор существует) обряд инициации – посвящения во взрослые. Мальчишек проверяли на силу, ловкость, смелость, выносливость, владение трудовыми навыками, знание обрядов. И пусть иные испытания были довольно жестокими, вплоть до телесных истязаний – зато прошедшие инициацию считались совершеннолетними и приобретали право жениться. Ясно как белый день, за кого замуж идти, а кого сторониться.

А вот в наши дни... Как понять, что молодой человек «совершеннолетен» не только по паспорту, но и разумом?

Впрочем, отзвуки инициации в русской деревне можно было сыскать до самого конца XX века – в том числе и у кацкарей. Кого считали завидным женихом? Того, кто приучен к труду – это раз. И того, кто мог и спеть, и сплясать, и за словом в карман не лез – это два. На внешнюю же красоту как-то особо не глядели... Так вот: овладение трудовыми навыками и основами традиционной культуры – и есть своего рода инициация. Приучение к труду считалось прежде всего обязанностью родителей, а вот местные обычаи молодёжь усваивала на «бисёдах»-посиделках под неусыпным надзором всей деревни.

Умение совладать с лошадыю – тоже своего рода экзамен на инициацию.
Снимок около 1965 года, д. Владышино.

КАКОЕ ДЕТСТВО БЕЗ... ТРУДА!?

«Тя́тя и мама у нас работающие: они не только работают в колхозе с утра до ночи без выходных и отпусков, а ещё успевают вскопать, посадить и убрать наш большой огород.... Если дождя нет, мы поливаем: Миня черпает воду из колодца, а носим мы её все троём – у Мины два ведра, у Гени одно и у меня тоже одно маленькое...

Помогаем маме: приносим из поленницы дров, Миня щепает лучину из берёзового полена; воду из колодца носим, и корове воды принесём. Днём ходим поить нашего телёночка. А на огороде мы не только поливаем, но и полем: капусту, огурцы, лук, репу (картошку, морковь и свёклу мама сама полет – нам не доверяет). Ещё мы накопаем на завтра картошки и вымоем её у колодца. А я уже дома подметаю веником, и тряпкой стёкла на окнах протираю.

И хорошо помогаем сушить сено! Тя́тя рано-рано, ещё до восхода солнца, накосит на нашей усадьбе травы и спешит скорее на фирму – коров доят очень-очень рано. А мы после завтрака разбрасываем накошенные валы травы, а днём её ворочаем – чтобы сохла поскорей. У нас есть свои грабли – тя́тя их сделал по нашему росту. У меня совсем маленькие, всего шесть зубьев, и ручка коротенькая – удобные грабельки! Когда трава высохнет совсем, сгребем её и таскаем поближе к огороду, чтобы тя́тя и мама перетаскали вечером сено во двор».

Автор этих воспоминаний – Софья Кузьмовна Иванова-Шёршнева. Место действия – село Юрьевское Кацкого стана. Время – 1930-е годы. Но так о своем детстве рассказал бы, наверное, каждый, кто вырос в деревне: в 1950-е ли, 1970-е и даже 1990-е. Труд – неотъемлемая часть деревенского детства; кто дружен с ним, готов и для взрослой жизни!

Кацкари Шёршневы:
Евдокия Егоровна,
Кузьма Фёдорович и
их помощники – дети
(слева направо) Миня,
Соня, Геня.
Снимок
3 августа 1936 года,
с. Юрьевское.

ВОТ ТЕБЕ И «ДЕРЕВНЯ»...

В памяти картинка из 1970-1980-х годов: придёт в магазин бабулька с тремя-четырьмя классами церковно-приходской и сдachu в уме сосчитает быстрее, чем продащица на счётах...

О крестьянах обычно пишут как о самом безграмотном сословии в России. Как там, в фильме: «Тыфу! Деревня!!!»? Однако Первая всероссийская перепись населения 1897 года показала, что читать и писать в то время умела примерно треть крестьянского населения Кацкого стана, а именно 6663 из 22456 человек. И ещё 347 кацкарей умели только читать. Где же они, дома сидя, обучились грамоте?

Перепись предусмотрела и этот вопрос. Молодёжь отвечала обычно: в школе – их в ту пору в Кацком стане было восемнадцать, и в них училось 745 детей. Но регулярное школьное обучение в Кацке началось только в 1855 году с открытия одной-единственной школы в селе Нефедьево. Следующая открылась только через тринадцать лет – Знаменская в 1868 году. Почти до самого конца XIX века учебных заведений на селе явно не хватало. Так где же обучались грамоте кацкари из крестьян?

Переписчики донесли до нас их ответы: у священника, у диакона, у дьячка, у пономаря, у псаломщика, у причетника, у дочери дьячка, у дочери псаломщика, у дочери причетника, самоучкой, на военной службе, у солдата, у грамотея или у грамотейки, у лакея, у отца... Так что совсем безграмотной крестьянская Россия не была. И даже в XVIII-м веке на деревню находилась пара-тройка мужиков, которые могли как за себя самих, так и за однокоренцев «руку приложить» – расписаться.

Конечно, невелико было их образование: письмо, чтение, арифметика, Закон Божий... Но бабушки с тремя-четырьмя классами церковно-приходской отчего-то помнили наизусть стихи лучше своих внуков. А о том, как они считали в уме, в пору слагать легенды...

Старинные ученики.
Наши прадедушки и
прабабушки...
Снимок 1920 года,
с. Ордино.

«ОТРЫВАЮТСЯ ОТ УЧЕНИЯ»

Среди миллионов (да, миллионов!) документов в собрании Государственного архива Ярославской области хранятся и статистические сведения о начальных школах губернии за 1896/1897 учебный год. Даты и цифры, цифры и даты – и за каждой из них готовый очерк о прошлой жизни.

Полюбопытствуем, к примеру, когда начался тот учебный год в школах Кацкого стана? У всех в разное время, а первыми приступили к занятиям ученики в Таралыкове – 16 сентября. Последними в Ордине – 8 октября. Это по старому стилю, а по новому 28 сентября и 20 октября соответственно. Но что ж не 1 сентября, отчего так поздно? И когда тот учебный год закончился? В Дунове – 4 апреля, в Знаменском – 5 мая, в остальных школах в промежутке между этими числами. То есть между 16 апреля и 17 мая, если по новому стилю. И опять вопрос: почему так рано? Ответ очевиден: учебный год начинался с завершением полевых работ и завершался с их началом – дети нужны были взрослым как помощники и в посевную, и в уборочную.

Но бывало, детей снимали с занятий ещё до завершения и без того укороченного учебного года. «Отрываются от учения для помощи родителям в полевых работах», – сетовал, заполняя сведения, нефедьевский учитель Константин Петрович Успенский. А его коллега, учительница Галицынской школы Мария Григорьевна Савинова, написала подробнее: «Отрываются дети, не кончивши курса, или помогать своим родителям в работе, или рядятся в пастухи, или остаются сидеть дома с ребятами. Девочки остаются дома при матери, занимаются хозяйством, пряжей холста и некоторые рядятся за известную цену в няньки».

...Такая вот правда жизни, скрытая сухими статистическими отчётами

Деревенские каникулы: со старшими на сенокос. Снимок
Сергея Павловича Аносова, около 1983 года, д. Мартыново.

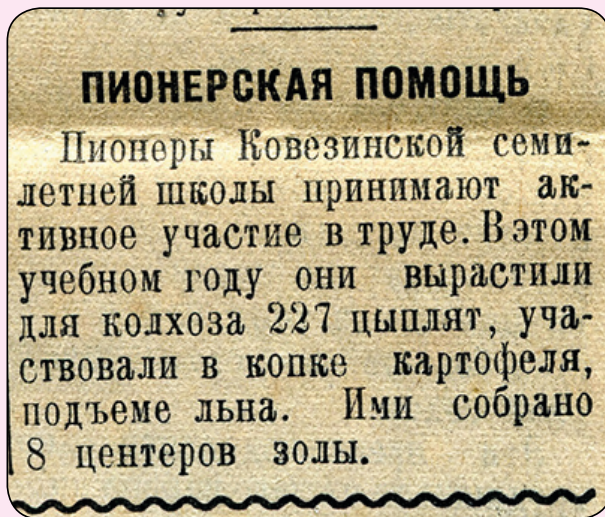
«ТРУДОВЫЕ БУДНИ» ДЕРЕВЕНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

– Пионерская дружина имени В.В. Терешковой Мартыновской восьмилетней школы рапортует о проделанной работе на Всесоюзном марше юных ленинцев под девизом «Революционный держим шаг!», – голос пионервожатой звучит звонко. – Осенью оказали помощь колхозу «Верный путь» в уборке льна. Был поднят лён с площади 8 га, связано 17000 снопов. Зимой была проведена операция «Кормушка». Весной трудились на пришкольном участке. В операции «Зелёная аптека» приняли участие все ребята школы. Собрали 3,7 кг берёзовых почек и 2,2 кг ольховых шишек. На посадке ёлочек освоено 16 га...

Что ни говори, а трудовому воспитанию советская школа, особенно сельская, уделяла большое внимание. Отчасти в этом вопросе она даже заменила родителей, вечно занятых на колхозных работах: многие трудовые навыки, необходимые для самостоятельной жизни, деревенские дети стали получать от учителей, а не дома. Окончив школу, они, по сути, были уже готовыми работниками и работницами.

В старших классах Рождественской средней школы, например, с 1971 года изучали устройство трактора. Причём не только теорию! Десятиклассники проходили самую настоящую практику в местном совхозе «Оборона» и получали удостоверение сельского механизатора (это по первости, а потом – полноценные водительские права с категориями «В» и «С»). В 1984 году из шести рождественских выпускниц был сформирован сводный комсомольско-молодёжный отряд животноводов – сразу после выпускных экзаменов вчерашние школьницы пошли работать на ферму.

– Ранний подъём в четыре утра, трёхразовая дойка, уборка помещений. Да и накормить-напоить коровушек, а их на каждую доярку было тридцать три первотёлка, нужно было тоже три раза, – вспоминают они о тех «трудовых буднях», которые, надо сказать, их нисколько не напугали.

Заметка «Пионерская помощь» – одна из очень-очень многих...
Газета «Колхозный труд» от 14 января 1959 года.
Из собрания Этнографического музея кацкарей.

Школьники на уборке льна. Снимок 1967-1969 годов,
с. Рождествено в Кадке.

РАПОРТ

О ТРУДЕ УЧАЩИХСЯ Рождественской школы

за 1979-80 уч. год

В школе 148 человек. В производственной бригаде - 60 чел.
Площадь участка - 20 га. Бригада проводит опыт со льном.
Площадь под опытом - 25 га, построек - 2.

Бригада имеет 3 трактора, 2 пауга.

В лагере труда и отдыха работало 25 человек.

3 изготовлено 610 пар веников, отремонтировано
30 м² изгороди, подготовили пашни 78 га

Учениками бригады заработано 1321 рубль.

В летней работе отличившиеся учащиеся: Терентьев Алексей - 450 рублей

Токарев Владимир - 240
Великоленов Сергей - 100
Судяков Алексей - 200
Лебедев Сергей - 100
Борозьева Людмила - 70
Казяков Николай - 50
Бычков Сергей - 60

Уч. лаг. труда Шамин А.А.

51 о своих специальностях обучалось 43 чел., 24 десятиклассника / 100%/,
все они получили удостоверение сельского механизатора.

60-70 % выпускников ежегодно остаются работать в колхозе.

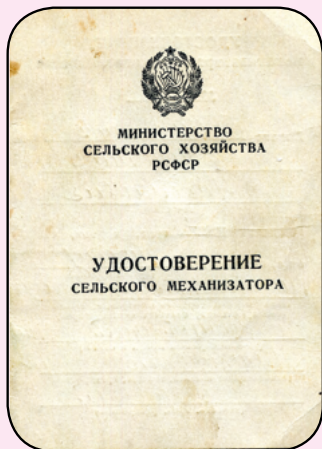
В 1980г. из 24 учащихся 15 человек остались работать в колхозе:

1 чел. - институт,
4 чел. - техникумы, 1% - 1,
7 чел. - ГПТУ со ср. обр.

Руководитель уч. пр. бригады - Сараева И.В., специалист 1% - Кусков А.В.

Бригаде 10 лет

Рапорт о труде учащихся
Рождественской школы
за 1979-1980 учебный
год. Из собрания Дома
пионеров (ныне Дома
детского творчества),
г. Мышкин.

Из школы – с профессией!
Удостоверение сельского
механизатора,
21 мая 1984 года.
Из собрания
Этнографического музея
кацкарей.

УДОСТОВЕРЕНИЕ
механизатора сельского хозяйства

№ 4

Выдано Ивану Никитичу Владимирову Николаевичу
(фамилия, имя, отчество)

Рождения 1967 года, в том, что

он(а) окончил(а) школу
(курсы, курсы, кружки)
механизаторского всеобуча
(сменную школу механизаторов)

при Рязань-Великой с/р-на
(сезонный филиал УМСХ и СПТУ)
Мышкинского р-на
(наименование колхоза, совхоза, предприятия)
Ярославский
(область, край, республика)

по специальности тракторист
(тракторист,
комбайнер и т. д.)

Решением комиссии Управлений
Сельского хозяйства
наименование комиссии
Мышкинского районном.
выдавшей удостоверение)

21 мая 1984 г.
Ивану Никитичу В.И.
(фамилия, имя, отчество)

разрешено работать на тракторах
ДТ-75
(марка трактора, с.-х. машины и т. д.)

Председатель комиссии Иванов
(подпись)

Члены комиссии Васильев
(подпись)

Секретарь комиссии Васильев
(подпись)

Удостоверение выдано
21 мая 1984 г.
М. П.

Преподаватель Анатолий Александрович Шамин обучает старшекласников вождению гусеничного трактора. Снимок 1982-1983 годов, с. Рождествено в Кадке.

Без пяти минут животноводы: выпускницы Рождественской средней школы на сцене районного Дома культуры подписывают договор с колхозом «Оборона». Снимок 12 мая 1984 года, г. Мышкин.

Мальчишки-
шестиклассники на
уроке труда в школьной
мастерской. Снимок
1986-1987 годов,
с. Рождествено
в Кадке.

РОБЁ́НКО-ПАДЁРЁ́НКО...

Нет ничего на свете памятьнее речи. Слова, к которым мы привыкли с детства и произносим не задумываясь, хранят историю человечества от первобытных времён до наших дней.

Так, о детях старики из кацкарей до сих пор говорят исключительно в среднем роде: робё́нко, парни́шко, паде́рё́нко... (То же и о детёнышах животных, кстати: тёлё́нко, поросё́нко, собачо́нко). Думаете, это от безграмотности? Нет! Тем самым подчёркивается несамостоятельность детей, их необладание теми же правами, что и взрослые. Но это временно! Дитё растёт, набирается ума, и однажды у него появляется так называемое «чувство взрослости». Носители народной речи это принимают и к повзрослевшему ребёнку средний род уже не применяют. «Какой у вас парнёк подро́стаёт!» – и не иначе.

Это языковая инициация. Сам обряд посвящения во взрослые давным-давно утрачен, но язык всё ещё сохраняет память о нём.

Правда, не все взрослые своего звания достойны; есть среди них, говоря заумным языком, и «асоциальные». О таких кацкари-старики продолжают говорить в среднем роде: сначала оно «жонишо́нко», а потом – «мужичи́шко» или «мужичо́нко». Асоциальным женщинам достаётся хлеше: роздурье́, розмужи́чьё, роспётуньё́, розьярьё́ и даже розьётуньё́ – и всё в среднем роде!

О «паде́рятах» же сказ особый. Кто этот такие? Да те, с кого можно снять портки да надрать как следует – объяснят в народе. Ребёнок с чувством взрослости – уже не «паде́рё́нко». Не желающего жить как подобает взрослого человека (то есть, если копнуть вглубь веков, не прошедшего инициации) кацкари назовут презрительно – па́де́ро. Что-то вроде «недовзрослый», если по-современному.

Робјата-пагѐрјата... Снимок 1965 года, д. Комарово

ИСПЫТАНИЕ ГОРОДОМ

Итак, если в начале XIX-го столетия кацкари обзаводились семьями обычно в 15-18 лет, то в конце его – в 18-22. Браки «повзрослели», причём больше, чем того требовал царский указ от 1830 года. Отчего? Вероятно, что-то произошло в самой деревенской жизни, что способствовало этому.

Да, произошло! Набрало силу такое явление как отходничество: уход на заработки в города. Зародившись ещё XVIII-м веке, для кацкарей оно долгое время было не характерно. Так, в Мартынове первые отходники появились только в 1820 году, и было их совсем немного: четыре души «мужеского полу» возрастом от девятнадцати до тридцати девяти лет. Массовым явлением отходничество стало после отмены крепостного права, а к исходу XIX-го века легче было пересчитать уже тех, кто оставался...

На заработки в города, обычно в Питер или Москву, кацкаримальчишки уходили сразу после окончания начальной школы – в 12-13 лет. Устраивались подмастерьями у ремесленников либо в лавках «на побегушках», а дальше – у кого как получится! Кто-то оставался в городе навсегда, но большинство через несколько лет возвращались в родную деревню. Женились же и первые, и вторые исключительно на кацкарках!

Но мы о брачном возрасте. Ранние браки стали никому не нужны. Это прежде родители старались своих сыновей как можно раньше женить – теперь же поскорее отправляли на заработки. Для девушек повидавший свет и умеющий зарабатывать деньги жених казался завиднее. Ну а самим парнями испытание городом стало восприниматься как своего рода инициация, пройдя которую они приобретали в деревне вес и шанс на более выгодную женитьбу.

Мальчик-отходник Алёша Шварёв. Ему двенадцать лет, но он уже слуга в мясной лавке и в родную Борисовку больше не вернётся. Снимок 1903 года, г. Санкт-Петербург.

Две судьбы:
Василий Егорович Чирков
(тот, что сидит) в своё
Мартыново с отхода
вернётся, а его шурин
Михайло Румянцев из
Трухина эмигрирует в США.
Снимок около 1910 года,
г. Санкт-Петербург.

Отходники-женихи из
Кузьмадемьянки. Слева
Кузьма Фёдорович
Шерстнёв, вся жизнь
которого после смерти
отца пройдёт в деревне.
Снимок конца XIX века,
г. Санкт-Петербург.

«МÍЛОЙ В А́РМЕЮ ПОШЁЛ...»

Россия всегда с кем-нибудь да воевала, но для деревни до 1874 года все эти войны были далеки. В стране была принята рекрутская система комплектования войск: это когда в армию призывали не всех, а одного от десяти-пятнадцати дворов и не каждый год, а по мере необходимости. Те, кого забирали, служили долго – порой и пятьдесят лет, как солдат Семён Иванов(ич) Хренов из деревни Исакова: с 1739-го по 1789 год! Те же, кто оставался дома, войны не знавали.

Но вот в 1874 году набор рекрутов сменился всеобщей воинской повинностью. Служить стали все. Что до крестьян, то шесть лет неграмотные и четыре – закончившие начальную школу.

Как это повлияло на браки? Да очень просто: они «постарели» ещё! Призывали в те времена в двадцать один год, плюс четыре-шесть лет службы, а жениться деревенские парни (по крайней мере кацкари) как-то разом решили только «отдав Родине долг». И девушки с ними согласились!

– Мíлой в а́рмею пошёл,
Надел рубашку белую.
Чётýре года буду ждать –
Изменушки не сделаю!

И вообще: при всей нелюбви деревни ко всякого рода нововведениям, всеобщая воинская повинность была воспринята крестьянами сразу. Ни открытых выступлений, ни саботирований «по-тихому»! К службе в армии отнеслись как к своего рода инициации – посвящению во взрослые, а точнее – «в мужики». Причём мнение о том, что «если не был в армии, то и не мужик» на селе продержалось до самых 2000 годов.

Участники Первой
мировой войны из
деревень Дунова и
Фёдоркова. Орлы!
Снимок
1914-1917 годов.

Четыре года (как в погудке-частушке!) ждала из армии своего Сашу
Антонина Смирнова. Снимок 1951 года, д. Богданка.

А вот Евгения Муравьёва (он средний в первом ряду) из деревни Малого Поповичева подруга Соня Будет ждать... восемнадцать лет. И дождётся!
Снимок 9 апреля 1939 года, Белоруссия.

«ДЕВКЕ – НЕ В СОЛДАТЫ!»

– Девке не в солдаты идти! – так в 1897 году объяснили платуновскому учителю Ивану Евфимовичу Тихомирову местные крестьяне нежелание учить своих дочерей более полугода. – Письмо прочтёт да напишет, и хватит...

Теперь понятно, почему в том же 1897 году во всех кацких школах на 539 мальчиков-учеников приходилось только 206 девочек-учениц. А из взрослого населения Кацкого стана грамотными были 5057 душ «мужского полу» и 1606 – женского.

Что ж, служба в армии не для крестьянок. Учёба – до 1920-х годов в большей степени тоже. Кацкарка-отходница – большая редкость. Так что же тогда составляло женскую инициацию? Верно: работа, работа и ещё раз работа!

– Я с девяти годов в няньках сидела. И в Чижово нанималась, и у себя в Новинки, и в Гусево. Платили тридцать рублей да на платье выговорим – осенью мама платье скропает (сошьёт). А работы было: за дётям ухажу, в доме приберусь, пелёнки перекубачкаю (перестираю), посуду огражу (вымою), самовар согрею, картошку на ужну очищу. А в Гусеве и ткала всё лето! Вечером манёнке и погулять отпустят. Я и не училась – некогда. Ползими проходила и перестала: всё сну в няньках сидеть, а по осени – на риге работы много.

Девушки на тереблении льна. Снимок 1950-х годов, д. Дьяконовка.

Старикова дочь Настенька из фильма-сказки «Морозко», безусловно, хороша, но... свататься к ней женихи из кацкарей не поспешили бы. Уж больно тоща – «руки-ноги по солоmine»! Да и «неросляная». А характер... Ну что это за характер: тиха, скромна, послушна не в меру!? Кацкие погудки (частушки то есть) воспевают совсем другой тип девушек:

– Я бойка, ми́ня не скрѐёшь
И со мной не пропадёшь,
Брови чѐрные не смѐёшь
И платѐчкѐм не сотрѐешь!

Или:

– Ми́ня хáют–гребыхáют,
Я и хáяна живу,
Я и хáяна–отчаяна
Негдѐ не пропаду!

И да́же:

– А-ха-хá да а-ха-хá,
Чья-то буду я сноха.
Хто-то будѐт мой жонíх –
Повоюю я у них!

Так что у старухиной Марфуши выйти замуж в Кацком стане шансов, пожалуй, побольше. Жаль, что «недольга» – бездельница...

Спрос на «бойких» невест у деревенских женихов, скорее всего, рос с развитием отходничества – отлучками на заработки в город. Уходили мужики надолго, подчас на годы, оставляя «на домовни́стве» своих жѐн. А чтобы организовать весь цикл крестьянских работ, держать в подчинении большую семью, отстаивать интересы своего хозяйства на сельском сходе и не поддаваться зарвавшемуся соседу, нужен характер. Ещё тот характер!

«На владышинском пруду берега крутые; берега крутые – девки озорные!» Снимок второй половины 1920-х годов, д. Владышино.

ГДЕ МОИ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ...

Слово-то какое – «сёмнáтка». А можно ещё мягче – «сёмнáтушка»: – *Говорят, што немазúста –
Начёгó же мне краса?
Лишь бы были у сёмнáтушки
Вёсё'лые глаза!*

Как можно догадаться, это о девушке семнадцати лет, но у девичьего брата возраст на лбу не написан, и кацкари так называют девушек вообще. Эх, и повезло же кацкарочкам – им всегда семнадцать!

А уж если так замужнюю назовут – нет выше комплимента. Учительница Павла Александровна Пятницкая, например, до глубокой старости сохраняла стройную фигуру, так муж ей и в семьдесят лет говорил: «Ты у меня, што сёмнáтка!»

Но мы о девушках. Сёмнáтка – это не только о возрасте, но и о готовности к замужеству:

– *У меня залё'ток много,
Што в осиннике грьбóв:
Загубили мою голову
Сёмнáцати годов!*

В семнадцать лет девушки уже вовсю «невестятся», но чтобы заслужить подходящего жениха, надо себя показать: в рукоделии, в веселии, в умении общаться. В старину для этого собирались бисёды – собрания молодёжи, которые в русском литературном языке принято называть «посиделками».

Сёмнáтки. Снимок 1930-х годов, д. Чернево.

КОГДА БИСЕ́ДЫ НЕ НАЙДЕ́ШЬ

А жизнь меняется да настолько, что дедовы переживания внукам теперь почти не понятны. Вот, кацкая погúдка-частушка:

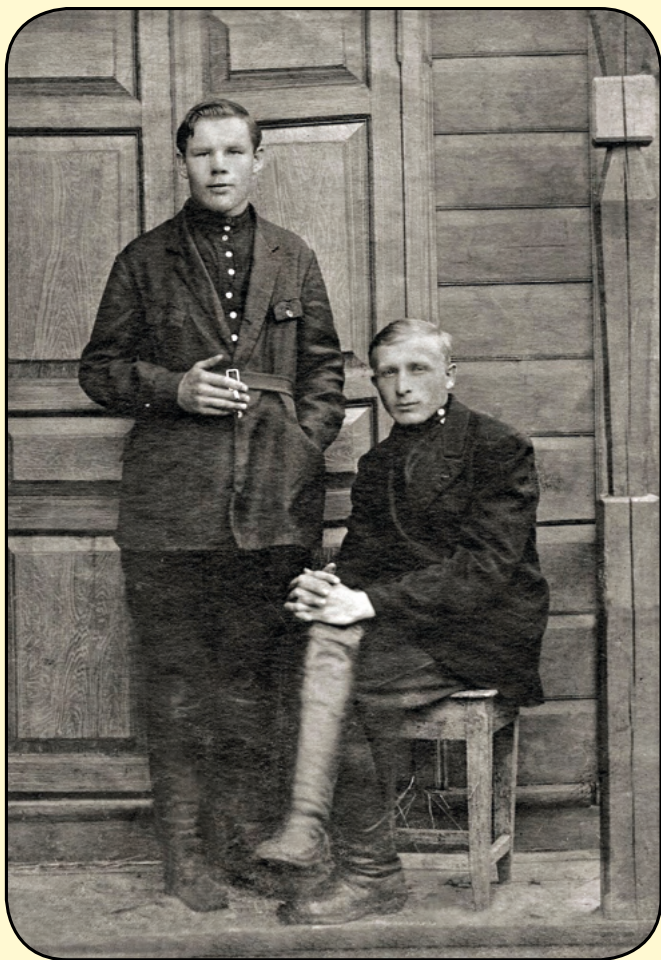
— *На гуля́ннице пошли,
Не нашли бисе́душки;
Все окошка занавешены —
Гуляют де́ушки!*

О чём она? О Бисе́дах – ежевечерних собраниях молодёжи для рукоделия и развлечений. О том, что в русском литературном языке больше называют «посиделками» или «вечёрками», хотя и слово «беседа» тоже кое-где известно. Кацкари произносят его через «и»: «Бисе́да» – так и будем писать.

Хозяйками, или, скажем так – «держательницами», «распорядительницами», Бисе́д всегда были девушки. Парни, собравшись во «взвóдки», обходили бисе́ды, подыскивая себе, как раньше говорили, «симпа́тии». Тут главное не мешкать – успеть на бисе́ду, пока она свободна.

Так о чём же эта погúдка? О том, как парни, отправившись «на гуля́ннице», бисе́ды себе не нашли. Занавешены окна в доме – «деушки» уже гуляют, и гуляют с кем-то другими!

Переживания? Конечно, переживания! Теперь предстоит либо граться, либо своей очереди ждать, либо искать бисе́ду в другом месте, либо вообще остаться на этот вечер без девичьего общества.

Два товарища. Снимок
1932 года, д. Курцево.

ОТ БИСЕ́Д И ДО БИСЕ́Д

О русских посиделках этнографы пишут как об исключительно осенне-зимних вечеринках молодёжи; начинались они, как правило, после уборки урожая и продолжались до Святок либо до Масленицы. Весной, летом и в начале осени посиделки не собирались – их заменяли уличные «гуляния». То же можно сказать и о кацких бисе́дах. Но лишь отчасти.

Сезон зимних бисе́д в Кацком стане, и верно, начинался с Филиппова заговенья – по новому стилю это с 27 ноября. Весь урожай к этому времени бывал уже под крышей, а лён – перемят и отреплен. Теперь предстояло его перепрясть, чем и занималось всё женское население от мала до велика – в том числе и девушки на бисе́дах. Зима долгая, льна много, и бисе́ды собирались каждый божий день, за исключением суббот и канунов больших православных праздников. Старались успеть до Масленицы!

С масленичной неделей, собственно говоря, и прекращались в Кацком стане зимние бисе́ды, а с Великим постом и любые увеселения вообще. В пост доставали с по́дволок (чердаков) ткацкие станы и ткали до самой Па́ски (Пасхи) – и девушки тоже. С Красной горки наступало тепло, и до холодов молодёжь, когда вылучалось свободное время, собиралась на, как выражались кацкари, «гуля́нница». Но бывали у кацкарей и в тёплый сезон бисе́ды! Назывались они «сбо́рные бисе́ды» либо просто «сбо́рные» и собирались на престольные и обещанные праздники. В отличие от зимних бисе́д на них не рукодельничали, зато веселие текло рекой!

Ну а с Филиппова заговенья тех, кто в течение года не обвенчался, вновь ожидали зимние бисе́ды. Жизнь шла своим чередом...

Молодёжь на «сборной бисёге» по случаю престольного праздника Летней Казанской. С гармонией – Валерий Сазонов. Снимок 21 июля 1958 года, с. Рождествено в Кадке.

САМИ СЕБЕ ЗАВКЛУБАМИ

В старой деревне не было ни клубов с завклубами, ни домов пионеров с вожатыми, ни социальных агентств молодежи с волонтерами, а бисёды собирались исправно изо дня в день, из зимы в зиму. И без копейки на то государственного финансирования! Как же это происходило?

Собирали бисёды девушки-«сёмнátки», приглашая в свои избы – «по чэрэду: скóко девок, стóко и чэрэдо́в». Которые из родителей, быть может, были и не в восторге, но терпели – таков порядок. Впрочем, находились и любители принимать у себя молодёжные гуляния. Иван Алексеев(ич) Голицын из Игнатова, например, всегда ждал «чэрэда́» дочери Лидеи. Говорил:

– Гуляйтё хоть до Бёла (до утра то есть)!

Случалось, бисёды впускали в дом и сторонние люди. За плату – обычно за работы по хозяйству: тын вскопать, полосу сжать или отрепать лён... Девушки на всё это соглашались, лишь бы быть подальше от родительского догляда. А вот гайтановским сёмнátкам в 1940-е годы так просто повезло: баба Дуня Бабина пускала их в свою избу безвозмездно – «для пова́ды».

– И ведь не безобразили! Не кулигáнили!

Понятно, что снимая избу, девушки были в ней не только «завклубами», но и «уборщицами». И была у них ещё одна «зобóта» – «карасíновая»! До самых 1950-1960-х годов кацкие деревни жили без электричества, и приобретение «карасíна» для ламп лежало на девичьих плéчах – вернее, на плéчах их родителей.

На Бисёды сёмнátки
приходили, конечно,
срýнные (нарядные).
Снимок около 1927
года, д. Бибякí.

«ТЯЖОЛÓ ДУНЯШЕНЬКЕ...»

На притихшую после дневных забот деревню опускаются зимние сумерки, и вдруг – чу! – в одной из изб кто-то запел:

– Тяжолó Дуняшеньке одинокой жить...

И несколько голосов подхватили:

– Воля моя, волюшка, некого любить...

Голоса молодые, звонкие... Да это же девки собрались на бисёду! Пришли «с пряхам» (с прялками) и с заданиями от матерей опрясть за вечер столько-то льна. За разговорами обо всём на свете любая работа спорее, а ещё за песнями – такими же длинными и монотонными, как само прядение:

– Все миня оставили горькёй сиротой,

Тóлькё óнне мтáшечки всё живут со мной.

Сягут на окóшечкё, жалобно поют;

Вдруг подúёт вётёр, оне улётят

В гáльную сторо́ночку, во чужú края.

«Уродилася я, што в полé былинка...», «Как во на́шой во дёрéвне лóшадка бёжит...», «Все люди живут, што цвёты цвётúт...», «Не во на́шом полюшке не колышется...»... – все эти старинные песни кацкарки в середине XX века ещё пели. Но больше так называемых «жестоких романсов»: про любовь и ненависть, преданность и измены, соблазны и мщенья. Сочинялись песни и на местные темы: про овдеевскую девку Нюрку, которая удавилась, про хоробровского Мишу, который «сделал жóнам двух сёстёр», да про кого-то из Масальского, убившего сестру....

Но где же парни!? Пора бы им уже и прыгти!

Хранительница и исполнительница кацких песен Зоя Васильевна Чистякова («по-девичьи» Лепёшкина) в молодые годы с мужем «Натóлием». Снимок рубежа 1930-1940-х годов, д. Дьяконовка.

ПЕСНЯ ПРО ОВДЕЕВСКУЮ ДЕВКУ НЮРКУ, КОТОРАЯ УДАВИЛАСЬ

Никакими словами, наверное, не перегасть переполоха, что случился в деревне Овдееве в конце 1920-х годов. Повесилась девушка осьмнáдцати лет...

Звали её Анна – Нюра, Нюрочка, Анечка. Училась она в городе, познакомилась там с мальчиком, влюбилась в него да так, что, вернувшись, ни спать ни есть не могла – все думы о нём! Но от него – ни слуху ни духу. А ведь обещал писать. Что же позабыл так скоро!?

Но шло время, и поуспокоилась Анна. Сватались к ней многие – красивая была; она всё отказывала-отказывала да вдруг и согласилась пойти за мартыновского жениха. То-то свадьба была: богатая, весёлая! Посреди застолья подали Анне телеграмму, а в ней два слова: «Еду. Жди». Сердце упало у Анны – от него, городского, весточка! Еле-еле до конца досидела, с женихом в Мартыново не поехала – велела приезжать на другой день.

Но на другой день Нюру вынули из петли... Вскрытие показало, что была она беременной. Похоронили её на краю Хоробровского кладбища – без отпевания, без креста, а за поминальным столом уже пели:

*– Тише, граждане, все внимание,
Я хочу вам про Нюру сказать –
Так случилось неожиданно,
Даже трудно пером описать!*

*Её жизнь цвела без родителей
До весенних прекрасных теней,
А весна пришла злополучная –
Впало в голову злобное ей.*

*Сёстры старшие все заботились,
Как бы Нюру сряднёй нарядить:
Туфли модные, платья разные —
Только б Анечке всем угодить!*

*Нюре ётого недостáтошно,
И на курсы учиться пошла;
Познакомилась с одним мальчиком
И любовь всю ему отдала.*

*А домой она возвратилась —
Повстречалась с знакомцем другим
И вопрос она так поставила,
Что навеки ты будешь моим!*

*Так сказала она, не ошиблася —
Этот факт доказательным был,
Но смириться с ним было тягостно,
Так как сердцу её он не мил.*

*Она вздумала: «Как я буду с ним
Молодую всю жизнь коротать,
А и жизнь в любви заключается —
Надо к сердцу всё ёто принять».*

*Думу горькою она гумала,
Не пила и не ела она —
На дворе она, на верёвочке
Свою жизнь погубила она.*

После ётого в скором времени,
Как сестра управляться пошла —
Руки белые, кудри вилися,
Но уж в петле висела она.

Та орóбела, испугалася,
Но успела верёвку срубить;
Тут народ пришёл в скором времени —
Стали в чувство её приводить.

После ётого приключеньица
Три часа она только жила.
Молодая грудь, сердце билося —
Всё равно же она умерла.

Милы девушки, не влюбляйтесь,
Ведь любовь—то уносит покой:
Если б Анечка не влюбилася,
Умерла бы ведь смертью другой!

Под конец такой, что заставило
Молодую всю жизнь коротать;
А родные—то с большой жалостью
Часто будут её вспоминать.

Анна Николаевна Година,
«по де́вочки» Шумилина, с
мужем Николаем. Именно
ей, Анне Николаевне,
народ приписывает
сочинительство «Песни про
овдеевскую девку Нюрку,
которая удавилась».
Снимок около 1930 года,
г. Ленинград –
с. Николо-Топор.

«ГДЕ МАНЯ ГУЛЯЁТ?»

– Где бисёды? На которой Маня Прёсно́ва гуляёт?

– Да, должно быть, у Васи́лея у Соколова...

Это значит, в Мартыново пришли парни из какой-то другой деревни и ищут знакомую девушку. Свои-то и без подсказки знают, что бисёды сегодня у Соколовых, у Карамышевых, у Пешниковых, у Григорьевых и у Сумароковых в двухэтажному дому. И где какая сёмна́тка гуляет, тоже всем известно. Но...

Пять бисёд на одну деревню – не лишку ли!? В самый раз, если деревня большая! Это только в Левцове хвастались, что у них бисёда – пятнадцать девок; так это оттого, что им разрешили собираться в колхозной конторе – большущем доме без переборок. А обычная крестьянская изба не безразмерна, много народу не поместит, и семь-десять «товáрок» (ровесниц) на одну бисёду – самое то.

Зато парням «увольё»: на одной бисёде побывают, на другой, на третьей... Могут и в соседнюю деревню уйти, и дальше. Впрочем, далёкие хождения для зимних бисёд не характерны; «по чужим» парни ходили больше в «сборные» бисёды – те самые, которые по престольным праздникам.

Так где Маня гуляёт? Снимок начала 1970-х годов, д. Мартыново.

ПАРУ СЛОВ ПРО ГАРМОНИСТА

– Знаете, почему я научился играть на гармошке? – рассказал однажды Анатолий Фёдорович Кудрявцев. – Мальчишкой лишился я ноги. Погулять-то вместе с парнями и девчонками хотелось, а куда мне одноногому: ни побегать, ни поплясать. Вот я и решил: научусь играть на гармошке! Думаю, пусть молодёжь пляшет, а я буду играть...

Что ни говори, а гармонист – первое лицо на бисёде! Ещё бы: без музыки-то что за веселье!? Парней, среди которых был гармонист, девки принимали охотнее, а в случае драки доставалось, бывало, всем, да только не тому, кто «с гармонией». Гармонистов не трогали – таков неписанный закон! Могли, конечно, поддеть того, кто «тананыкал» (играл плохо):

– *Гармонисту ётому*

Кошку околётую,

Собаку обогрأتую

И козу лохматую!

Зато хорошим пели:

– Сыграй, Ваня, весёло́,

Тёбя́ любит всё село́.

За вёсёлую, игру

Ёщё я тебя́ люблю!

Это про Ивана Николаевича Чуракова из Юрьевского. А что Анатолий Фёдорович – в народе «Толя Овдеевской»? Гармошка вывела его «в люди»: он стал гостем и на свадьбах, и на бисёдах. Игру его очень хвалили:

– Он на гармонии-то, што ба́луётся, играёт!

А то давнее несчастье только закалило. Анатолий Фёдорович и машину водить научился, и водительские права получил! А что до работы, то бухгалтером колхоза «Верный путь» проработал семьдесят два (!) года: с 1943-го по 2016-ый. Из них пятьдесят два года – главным бухгалтером...

Взводок парней, и в первом ряду – гармонисты-баянисты: Анатолий Кудрявцев, Николай Максимович Виноградов и его племянник Михаил Соловьёв из Игумнова. Снимок около 1946 года, д. Овдеево.

Ещё один гармонист – Павел Дорофеев.
Снимок 16 февраля 1950 года, д. Владышино.

Тот самый Ваня из погудки-
частушки – Иван Николаевич
Чураков после демобилизации.
Снимок 1946 года, с. Юрьевское.

Коля Батури́н – в будущем известный гармонист Николай Михайлович Батури́н. Снимок середины 1950-х годов, с. Воскресенское в Кагке.

Евгений Павлович
Разумовский играл не только
на бисёдах, но и для души,
после работы. Снимок 1950-х
годов, д. Киндяково.

Даст Бог, не переведутся на
Кацкой земле гармонисты!
Эстафету принял Виталий
Бодю. Снимок 1 марта
2009 года, д. Мартыново.

НЕ БАЯН, ТАК... КОСАРЫ!

Деревню принято ассоциировать с гармошкой, но на кацких бисёдах звучали и другие инструменты. Алексей Корешков из Воронцова, например, любил входивший в моду баян, а Василий Суханов из Балакирева не расставался с трофейной «четвертухой» – аккордеоном, который он прихватил, возвращаясь с войны, в Германии.

В Большом почёте были «струначи́». Многим памятен квартет из Мартынова: Михаил Григорьев и Иван Чесноков – гитары, Михаил Виноградов – балалайка, Александр Кочнев – мандолина. Играли всё: и плясовые, и вальсы, а в 1949 году им посчастливилось выступить в Ярославле на сцене Волковского театра – в областном смотре художественной самодеятельности они заняли третье место.

На редкой бисёде обходились без трэнзеля, представлявшего собой стальной треугольник на подвеске, о который выстукивали такт стальной же палочкой. По воспоминаниям старожилов, бытовали и «самодёлошные» инструменты:

– В Черемóшье трэнзелём была... подкова. Дядя Ваня Шолудяко́в, наш кузнец, уж такие звонкие подковы ковал – готовые трэнзеля!

– А у нас в Гайта́нове де́душко Коля Сорокин до того толко́вой был – свою музыку сделал!! Не знаём, как и назвать-то: вроде скры́пки, да то́ко што не скры́пка.

...Но бисёда бисёде рознь – случалось, парни и не приходили. Девушки не отчаивались: брали в руки от самовара трубу, печной засло́нок да коса́рь, которым обычно щепают лучины, и вот как наяривали! В общем:

– *Пошто́ баян, пошто́ нам бубен?*

Мы играть на пузе б́удём!

Пузо ло́пнёт – наплёва́ть.

Под рубахой не видать!

В руках у Алексея Ивановича Корешкова редкий в то время у кацкарей баян. Снимок около 1950 года, д. Воронцово.

Виктор Иванович Румянец
из Дьяконовки аккордеонистом-
«четвертухой» обзавёлся во время
службы в Германии. С ним домой
и вернулся!

Снимок 22 августа 1965 года, ГДР.

Ну а с 1970-х годов среди какой-то молодёжи царила гитара...
Снимок начала 1970-х годов, д. Мартыново.

Музыкальные инструменты из собрания Этнографического музея кацкарей: гармонь, балалайка, гитара, аккордеон-«четвертуха», мандолина.

И это тоже музыкальные инструменты: нож-косарь, печной заслонок и самоварная труба! Снимки 4 февраля 2021 года.

ПРИДУТ ПАРНИ НА БИСЕДУ...

И вот, придут парни на биседу:

– Все в пóльтах: у кого на лísсьём мёху́, у кого на хорькё́вом. На ногах валенки и красные колоши-тянучки. И с гармонистом! Пóльта под пёрённёй угол скинут...

Девкам, понятное дело, не до рукоделия; пряхи (прялки) – в сторону. Встанут в ряд, а парни подходят и приглашают:

– Вас, пожа́луста!

(На Шипíловщине ещё и за руку здоровались, но кацкари на это смотрели с усмешкою).

Сгуляют «кадрéль»: шесть или семь фигур – где как заведено. Парни «пóльта» разберут, да в соседнюю деревню – на другую биседу. Это если девки не приглянулись. А полюбились – ещё на кадрéль останутся! А уж если за танцы примутся, известное дело – задержатся «до бё́ла» (до утра то есть). Танцев-то в старину «бóзнамо што» (и не сосчитать) было: «Крёстьяночкя», «Кохáночкя», «Матлёт», «Тустэп», «Краковя́к», «Подыка́тор» (он же в «В воробáх»), «Пóлька-ба́бочкя», «На рéченькю» «Подыспáнь», «Корóбочкя», «Яблочек», «Во саду ли, в огороде», «Миллион»:

– *Тонцúём танец «Миллион» –*

Миня не любит милой мой!

Без отдыха не обойтись, да и гармонист не железный. Завязывались разговоры, затевались игры-«потéхи», а ещё на зимних биседах много пели – то было песенное время!..

На бисёде в Михайлов день. Гармонист – Владимир Журавлёв из Богданки.
Снимок 21 ноября 1961 или 1962 года, д. Кобелёво (Крайново).

«ОЙ, ДА СПОЙ, САША!»

Наверное, ни у одной девки в Хороброве ныло сердечко по Саше Голосову. Худошавенький такой, светло-русый, среднего роста, он рано потерял отца и мать, но рос на удивление боевым, загорным – первым на селе острословом.

Разбирали как-то мужики мост через Кагку. А мимо шёл хоробровский батюшка.

– Ставьтё, ставьтё брёвно на попа! – тут же нашёл что крикнуть Саша. Ой, не зря прозвали его односельчане Отчаянным!

– Что ты, Сашенька, раздавишь! – нисколько не обиделся отец Василий. Сащу Отчаянного все любили.

Любили за то, что никто не умел петь так, как он. Без гармонии, одним только голосом он мог затронуть самые потаённые струны человеческой души. «Што артист!» – ахали хоробровские.

Пришёл как-то на бисёду:

– Девки, – говорит, – хотитё я вам спою?

– Ой, да спой, Саша!

Он уселся на карженку (деревянную лежанку вдоль печи) и запел. Все слушали затаив дыхание, а кто и плакал.

*Как во нашой во дёрёвне
Лошадка бёжит,
В розвалёных санишках
Мужичок сидит.*

*Подгоняёт бённую лошадку,
На неё' кричит,
А в санях-от под рогозой
Чёрной гроб стоит.*

*А в гробу ле́жит бе́ннѣжка
Мужика жо́на —
От рабо́ты, от зобо́ты
Померла она.*

*Как оставила жо́на мужу
Семя́рых де́тей,
Дети долго,долго будут ры́кать —
Дожди́ться мать.*

*Не приде́т ли со кладби́ща
Родма́я мать?
Родма́я,мама доро́гая,
Горьких слёз унять.*

...Александр Сергеевич Голосов, прозванный в народе Сашей Отчаянным, был тяжело ранен в первые дни Великой Отечественной войны и умер от ран в госпитале.

Перед Бисёдой. Гармонист – Александр Гусаров из «заволóсного» Фетеева.
Снимок 21 мая 1947 года, д. Козлово.

На отъезде – проводах в армию. С баяном Алексеем Тузовым.
Снимок 3 октября 1960 года, д. Платуново.

ЭХ, ЯИШЕНКА ДА НА ЗАСЛОНОЧКЕ!

Вот, скажи сейчас: «Сделайте яишницу на заслонке, дак сгуляём!» – разве сообразит кто, о чём речь!? А сто лет назад было понятно всем: это девчонки, которые только-только начали «загуливать», зовут старших парней на свою бисёду. Да-да, бисёд-то в старину было для каждого возраста на особицу. Их так и называли: «младшая», которая собирала девчонок 13-14 лет, «средняя» – для 15-16-летних, и «старшая» – там те, кому пора замуж.

Бисёда-то хоть и младшая, да всё на ней по-настоящему: и танцы, и рукоделие!

– Дедушко Илья наделаёт балалаёк и струны из ниток натянёт, даст мальчишкам. Онé почнут тренькать, да по-всякому: струны-то толстые, не за што не оборвутся! А мы, дёвчонки, присоберёмся да плясать почнём! Тятя, помню, пряшечки сделал. Дадут кудёли, и пряди – учись. А как неохота, дак мятка за косу к пряхе привёдё'т.

Девки «на выданье» младшую бисёду опекали: выбирали дни и учили танцам. А вот парни девчонок-подростков не жаловали – «вошкарицы ишшо!»! Те начнут упрашивать:

– Ну придите, сгуляйте с нам кадрэль!

– Вот, сделайте яишницу на заслонке, дак и с вам сгуляём!

...История умалчивает, готовилось ли на самом деле подобное кушанье. Но парни, бывало, на младшие бисёды заходили! То-то у девчонок радости: со взрослыми кавалерами да под знатного гармониста потанцевать!

И я́ишницу сдéлаём, и
на балалайке сыгра́ём!
Снимок 1950 года,
с. Ковезино – д. Ченцы
Угличского р-на.

ГЛЯЖЁННЫЕ СТАРИННЫЕ И ТЕПЕРЕШНИЕ

Когда в Мартынове заработал музей и в деревню стали приезжать туристические автобусы, стариков это и удивляло, и радовало:

– Гляди-тко, гляжённые примаска́лили!

«Гляжённые»... Это слово их юности. Оно оттуда, из бисёг.

Бисёды не были, как бы сейчас сказали, «закрытым мероприятием». Поглядеть, как гуляет молодёжь, приходили семейные мужики и бабы. И детей с собой приводили, а чтобы те не мешались, отправляли их на русскую печь или полати. И «старушёнью-то россядётся по лавкам – всех розберёт!» Так вот: эти самые визитёры и назывались «Гляжённым».

Они не пели и не танцевали, а только сидели да глядели. В ту пору бисёды были главным развлечением зимней деревни – что-то вроде нынешних ток-шоу и сериалов. Молодёжь-то бывало, уж и по домам разойдётся, а гляжённые всё сидят и перебирают: кто был да кто как себя вёл, да кто во что одет, да кто с кем танцевал, да кто кого провожать набивался... А уж сколько семечек нашелушат!

Да-а, прошло то время. Отшумели бисёды, пропала привычка коротать вечера вместе. Теперь каждый в своём дому – у своего телевизора. Но слово «гляжённые» не сдалось. Вынырнув из памяти, оно пристало к посетителям музея: те тоже глядят. Ну, ладно – пусть будет так. Главное, чтоб жилó!

Гляжённы на сбóрной бисéде по случаю обещанного праздника Ильина дня. Снимок 1950-х годов, д. Киндяково.

ЕЩЁ ПРО ЗИМНИЕ БИСЁДЫ

А зима идёт своим чередом. С 27 ноября по 6 января – Филипповки, самое время бисёг. За ними Святки – с 7 по 17 января. В Святки бисёды тоже собирались, да непростые – «святошные». Девки (а вернее, их родители) раскошеливались и снимали лучшую в деревне избу – в Дьяконовке, например, двухэтажный каменный дом тётки Овдотьи Бубновой. И на «сряду» (нарядную одежду) не скупилась – принаряжали своих дочерей друг перед другом «на выхвалку». Отправляли их на бисёды не с пряжением, а с работой почище – вязанием или вышиванием. Да и все-то в «святошные» бисёды были наряднее: и парни, и гляжённые!

И чиннее, торжественнее. Придут парни, и сразу за танцы! А гляжённые считают: подошёл парень три раза и больше – поджидай, девка, сватов... Да-а, для деревенских женихов бисёды – «ярмарки невест», не иначе!

18-20 января – Крещение, три водокрестных дня. А там и Мясовёг – время свадеб. То ту девку просватают, то эту – и распадётся бисёдушка! А не распадётся, будет собираться до самой масленичной недели. В Масленицу же не до бисёг – в Масленицу и без них есть чем заняться.

Но вот и Великий пост – строгий, без развлечений. Да и дел много: спóвлоки (чердаки) снимались ткацкие станы, и за пятьдесят постных дней женская половина семьи старалась переткать всё, что за зиму напярля. Скучающая по общению молодёжь могла собраться только после Пáски (Пасхи). Однако уже не на в тесной избе бисёды, а на уличные «гуляньица»...

Зимнее «гуляньицо» парней. Снимок начала 1970-х годов, д. Мартыново.

МОЛОДЁЖНЫЕ «ГУЛЯНЬНИЦА»

Майский день долог, а ночь коротка. День полон забот – успеть бы выспаться. Но – чу! – кто это распелся в ночи:

*– Вольня мтáшечкя да кинарээчкя,
Ты воспой вёснóй да на горе крутой,
На горе крутой да на горбáночке...*

Это девки возвращаются с «гуляньница». А чего распелись-то? Ну так молодые. Весна...

Молодёжные гулянья на природе начинались с пасхальной недели. Едва дождавшись вечера, «сёмнáтки» выходили на деревенскую улицу и, взявшись под руки, отправлялись за околицу:

– Сёгóння в Опрáксино помаскáлим: ходим по саду и поём. Зáвтра на Фúлино: тáмо пруды. Потом в Кою́ково – часничкú. И всё поём, поём!

А между тем всё слышнее гармонь – приближается «взвóдок» парней. Объединившись, молодёжь могла затеять «коровóд», но мода на них в 1930-е годы уже уходила. Из «коровóдов» дольше всех продержались «вóры» – так кацкари называют «ручeёк» (в «вóры» могут сыграть и в наши дни). Иногда затевали игры: в ремешок или в бутылочку. Могли просто бродить и слушать соловьёв... Но чаще направлялись к ближайшему мосту. Мосты-то раньше строили, что картинку, и настил дощатый – ах, как звонко стучат по нему каблуки!

И вот наплясавшись возвращаются домой. С песнями! Ложатся спать и молят: «Вот бы сторож сегодня проспал!» Но сторож не проспит и на работу разбудит. Рано, а в сенокос – так в час или в два... С началом сенокосной страды на «гуляньница» молодёжь выходила от случая к случаю, а в уборочную становилось и вовсе не до них. Для гуляний оставались только престольные да обещанные праздники, отмечать которые было делом святым.

«Гуляньицо» в барском саду. Снимок начала 1950-х годов, с-цо Апраксино.

«...ЗАСТАЛ Я ХОРОВОД»

Хороводы из жизни кацкарей ушли рано – ещё до Великой Отечественной войны. Казалось бы, утрачены навсегда, но вот – редкостная удача: нашлось письменное описание одного из них. Причём очень старое – 1852 года!

Известный русский статистик и этнограф Александр Иванович Артемьев в тот год совершал очередную свою экспедицию, и в сети интернет опубликован его дневник «Летние месяцы, путевые записки по время экспедиции в Ярославскую губернию с целями статистическими и по части собирания сведений о раскольниках». В июне месяце прибыл он «в местность, именуемую Кадкой», а 13 июля, уже смеркалось, «в деревне Кузьминской я застал хоровод. Кончивши статистические заметки, я пошёл к хороводу и записал следующую песню, не слыханную мною».

Итак, местная молодёжь стояла кругом и пела:

– *Как во том ли корово́де*

Ходил, гулял я;

Ходючи, гуляючи,

Сронил вёно́к я.

Што сронил вёно́к я

С буйной головушки,

С рúсыя кудри...

В кругу во время пения ходил парень с платком в руке, и на последних словах вставал перед другим парнем, ронял платок и кланялся. Тот кланялся в ответ, но платка не брал. Входил в круг. Хор пел:

– *За мной батюшка идѣт,*

Он вёно́чка не нёсѣ'т.

Што вёно́чка не нёсѣ'т –

*В ручки не даёт.
В ручки не даёт,
Поклон воздаёт.*

Второй парень кланялся ещё раз, а песня продолжалась:

*— То-то горё-то моё,
Кручина-печаль,
Сёрцо не вначай.*

На этих словах вышедший парень возвращался в круг. Песня запевалась с начала, но на этот раз платок ронялся перед девушкой. Та кланялась в ответ и так же без платка входила в круг:

— За мной матушка идёт...

И прочее – как с «Батюшкой». Наконец, в третий раз платок упал перед другою девушкой. Вот та, поклонившись, и подобрала его! Вошла в круг, и началось приплясывание:

*— За мной мильненькёй идёт,
Вёночек нёсёт.*

*Што вёночек-то нёсёт,
В ручки подаёт,
Поклон воздаёт.*

Поклонилась.

*— То-то радость-то моя,
Вёсэльё моё!*

Это сколько же лет этому хороводу? 169!..

Пошла пляска! Снимок начала 1970-х годов, д. Мартыново.

ЧАСТУШЕЧНЫЕ «ДУЭЛИ»

— Эх, погробить — как погробить,
 Штóбы погробíлося!
 Полюбить — как полюбить,
 Штóбы полюбíлося!

«Штóбы погробилося», молодёжь во время уличных гуляний обычно собиралась на мостах. На круг выходила самая бойкая из сёмнáток и, «вытáпывая» такт ногами, начинала:

— Девяносто пёсён знаю,
 Все сёйчáс перепую:
 В кáждой песне, кáжном слове
 Я милóго вспомяну!

Попев и погробив ещё, зачинательница призывала к себе кого-нибудь из «любáх»-подруг:

— Дорóгá подруга Тома,
 Мы с тобою две сёстры.
 Тóко íмё не такóе:
 Маня — я, а Тома — ты!

Тома, если не чувствовала настроя, отшучивалась:

— Запёвáй, подруга, ты —
 Мне не запёвáётся:
 Чегунóк картошки съела —
 Рот не роздёвáётся!

Тогда на круг призывалась следующая «любáха»:

— Дорóгá подруга Валя,
 Дорогая от души,
 До чёгó у нас в Мартынове
 Робя́та хороши!

А вот Валя только этого и ждала! Выходила и начинала, отведя руки вниз в стороны:

— Дорога подруга Маня,
Твой залё'точка пришёл,
А моё-то ну́то чёртово
Дороги не нашёл!

И пошла-поехала частушечная перебранка – кто кого перепеёт да перепляшет! Наконец, кто-то сдавался:

— Я ещё' бы поплясала,
То́ко я усталая —
Обе ноги кривоваты:
Левая и правая!

А победившая вызывала на круг уже кого-то из парней:

— Мило́й мой, твоя-то мать
Попусту ро́стрóилась:
Не была снохой, не буду —
Пусть бы успокоилась!

Тот не терялся:
— Моя милка на свидáньё
Сильно торопи́лася:
Подвяза́лася платком —
Насмерть угави́лася!

...Смысл этих «частушечных дуэлей» гораздо глубже, чем простое подначивание. Как и назначение весенних «гуляньиц» вообще. Подсчёты показали, что за короткую пору зимнего Мясове́да в Кацком стане игралось до 58% всех свадеб. Семейная молодёжь на гуляния с холостяками, разумеется, не ходила – их место занимала погросшая «средняя» бисе́да. Это значит, к весне состав «старшей» бисе́ды менялся наполовину! Молодым людям предстояло заново сплотиться и выбрать себе новых верховодов-заводил. Что и происходило при совместных гуляниях на природе и весёлых частушечных перебранках на мостах.

БИСЕ́ДЫ ПРОСТЫЕ И БИСЕ́ДЫ «СБО́РНЫЕ»

Кто как, а кацкари знавали просто бисе́ды (без какого-либо отдельного названия) и бисе́ды «сбо́рные». Просто бисе́ды собирались в будни по зимам, сбо́рные – по престольным да по обещанным праздникам круглый год.

Впрочем, много ли в Кацком стане зимних престольных праздников? Ну, на Филиппов день (27 ноября) молодёжь соберётся – это начало сезона зимних будних бисе́д. Потом на Егория Зимнего (9 декабря) – так это только в деревнях Юрьевского прихода. На Знамение Зимнее (10 декабря) – в Знаменском приходе. На Николу Зимнего (19 декабря) – в Николо-Топорском, на Рождество (7 января) – в Рождественском да на Серафимов день (15 января) – в Хоробровском. Вот и всё! Да, в советское время распространился обычай собирать сбо́рные бисе́ды ещё и на Новый год.

Весенних «престо́льников» по кацким приходам и того меньше: Егорий Вешний (6 мая) в Юрьевском, Никола Вешний (22 мая) – в Николо-Топорском да Леонтьев день (6 июня) – в Хороброве.

Зато начиная с Троицы престольные да обещанные праздники от деревни к деревне отмечались чуть ли не каждый день: Девятая пятница по Пасхе, Десятая пятница по Пасхе, Тихонов день (29 июня), Агрофёна Купальница (6 июля), Тихвинская (9 июля)... И так до глубокой осени, до Михайлова дня (21 ноября).

Конечно, «престо́льник» – это праздник для всей деревни, но молодёжь гуляла всё же несколько «на осóбицу». Девушки приглашали подруг со всей округи, оттого бисе́ды и получались «сбо́рным». От будничных зимних они отличались прежде всего многолюдностью. Зимой это было несподручно, приходилось маяться во всё тех же тесных избах, зато в тёплое время имелась возможность собраться в просторных амбарах да кладовых. А ещё на «сбо́рных» бисе́дах не рукодельничали – до того ли в праздник!?

Сборная бисёга, устроенная Этнографическим музеем кацкарей на престольный праздник Смоленскую. Вышло как встарь: гляжённые по лавкам, молодёжь играет в «воры».
Снимок Ольги Алексеевны Перовой, 10 августа 2016 года, д. Мартыново.

БИСЕ́ДЫ ВАЛЕНТИНЫ НИКОЛАЕВНЫ

«Про бисе́ды, про танцы наши да про складчи́ны» – так называется очерк В.Н. Ивановой, опубликованный однажды в краеведческом журнале «Кацкая летопись». Валентина Николаевна – коренная кацкарка, человек интересующийся и памятный, настоящий «консультант по старине». О биседах знает не понаслышке: сама гуляла в 1957-1963 годах.

– У нас в Платунове сбóрную бисе́ду собирали на Фролов день, 31 августа. В клуб по религиозным праздникам не пускали, и мы гуляли в колхозной кладовой. Но вот нетяга: кладовые-то к этому времени уже бывали засыпаны зерном...

Что ж, молодёжь перевозила его на другое место (а после праздника возвращала): девчонки затаривали, а ребята на лошадях отвозили. Потом разбирали сусеки, мыли полы и стены, приносили лавки – это для «гляжённых». Договаривались: кто поедет за гармонистом и кто сколько пригласит девчонок из других деревень.

– Я перега́щивалась с девчо́нкам: Алей Лапиной из Костева, Вале́й Павловой из Кобелёва, Шу́рой Ива́новой и Аней Каретниковой из Дьяконовки, Фае́й Кубасовой из Запасова. Девчонок пригласим, а парни сами найдут!

За праздничный стол садились обычно часа в два-три пополудни – все вместе: и хозяева с гостями, и хозяйская дочь с подругами. К условленному времени спешили в кладовую: девчонки обязательно, а семейные по желанию – «поглядеть, кто с кем гуля́ет, и прочее».

И вот – бисе́да! Сбóрные бисе́ды всегда начинались с «кадрéли»: на круг выходила холостая молодёжь, дозволялось и недавно женившимся, а остальные – «сиди́тэ да гляди́тэ». Отгуляв первую фигуру, парни обычно выходили покурить, а девушки плясали по

одной с «погудкам» (частушками).

– Уж как Катя Боброва «Сёмёновну» вытанцовывала! А Томара Башмакова и Валя Крюкова – «Цыганочку»! А Луда Иванова – «Солóмушку»!..

Возвращались парни – приглашали на вторую фигуру. И опять перерыв, во время которого оставшиеся танцевали «На реченьку», например, или «Краковяк», или «Польку-бабочку»... Затем таким же порядком третья фигура, четвёртая, пятая, шестая. Обычно на разные фигуры парни приглашали разных девушек, а если на все шесть одну: «Тут уж догадывайся, тут что-то не так – наверное, пойдёт провожать!»

Отгуляв «кадрель», молодёжь уступала место «посынке» – подросткам, которым тоже не терпелось потанцевать, а сама возвращалась к праздничным столам. На сей раз девушки – хозяйки бисёды – разбирали не только любáх (подруг), но и парней; кто-то забирал с собой и гармониста. Семейные на этот раз за стол с молодёжью не садились, давая ей возможность побыть своей «самато́рщиной».

Ну а после второго стола – гуляние до петухов! На ночлег девушки из других деревень оставались у подруг, а вот парни – кто как: кто в свои деревни уходил (если жили недалеко), кто у друзей ночевал (если таковые имелись), а кому-то стелили на сеновалах.

– Это у нас в Платунове, потому что на Фролов день тепло. А вот в Дьяконовке, например, сбóрную бисёду собирали на осеннюю Казанскую, 4 ноября. Холодно! Приносили постельники и стелили парням на полу в избах. А вот гуляли всё равно в кладовых: и в Казанскую осеннюю, и даже в Михайлов день – 21 ноября.

На второй день гости разъезжались. Да и парней меньше приходило: деревня всё-таки – дел в колхозе и по дому хватает. Бисёда, если и собиралась до обеда, столь «могúтной» уже не была.

Валентина Николаевна (справа) «в сёмнáтках» на сбóрной бисéде по случаю Михайлова дня.

Снимок 21 ноября 1961 или 1962 года, д. Кобелёво (Крайново).

КАДРÉЛЬ КАДРÉЛИ РОЗНЬ

Кадрéль кадрéли – рознь. Наша кацкая, например, называлась «долото», а в Масальском или под Мышкином танцевали «ланцé». И мелодия, и движения разные! Бывая друг у друга на бисéдах, кацкари и «заволóсные» (то есть живущие за волостью Кадкой) гуляли по «чёрéду»: первыми свою кадрéль хозяева, потом свои гости.

Да и «долото»-то менялось от деревни к деревни и от поколения к поколению. Число фигур в кацкой кадрéли на протяжении XX века сократилось с семи до шести, изменился и их порядок.

Фигура – это часть кадрéли. У каждой из них своя мелодия и свой рисунок танца. И на каждую своя припевка: это на тот случай, когда гуляли без гармониста – припевали и «вытáпывали» под своё пение. Так вот: и припевки у каждой деревни и у каждого поколения были свои!

А то ещё гуляли «продóльнёго» – именно так, в родительном падеже. Когда народу набиралось много, а помещение тесно (например, в избе зимою), те, кому не хватало места, кричали:

– Продóльнёго! Гуляём продóльнёго!

На круг выходила первая четвёрка пар и гуляла одну только первую фигуру, но «продóльнее» – то есть дольше. На вторую фигуру её сменяла вторая четвёрка танцующих, на третью – третья и так далее, пока «чёрéд» не возвращался к первой четвёрке.

Такая вот разная кадрéль... Однако ж не настолько, чтобы кацкарка с Верхней Кадки не могла сгулять с нижним кацкарём. Мелодии, хоть и отличались, но не в корне; рисунок танца – тем более. Очередность фигур соблюдалась строго. Кадрéль – это всегда парный танец, и число пар должно быть чётным; если кавалеров не доставало, за них становились девушки. Ну и ещё что роднило все кадрéли под названием «долото́» – так это умение парней дробить под частушки.

Молодёжь на сбóрной бисе́де по случаю Ильина дня.
Снимок 2 августа 1958 года, д. Киндякóво.

ИСКУССТВО ДРОБИТЬ

Женя Матвеев из Чернева, бывало, начинал гуляния так:

— *Выхожу и запёваю —
Дробею ботинками;
Розрешитё, дёушки,
Песни петь с «картинками»!*

«Дробеть» – это то же, что и «дробить»: отбивать ногами в пляске дробь. Что-то вроде чечётки, но на русский лад. Сотрудник Этнографического музея кацкарей Николай Викторович Румянцев в своём большом исследовании «Руби сусну, руби ель – починаётся кадрель!» писал: «...Каждая фигура в кадрели имеет обязательный элемент – дробление. Парни сходятся в круге, дробят и поют частушки. Каждый старался – на него смотрели девушки, которые в этот момент ничего не делали. Конечно, дробили все по-разному – каждый по-своему. Это зависело и от умения слышать музыку, и от темперамента. А кто уж это делал ловко, того до сих пор вспоминают: “Вот уж Юраха – дробил как дробил!”»

Дробили, действительно, всяк по-своему: кто просто «вытаптывал» сильные доли в такт, а кто и «тройл» – успевал за это время притопнуть три раза. Если на кругу сходились умеющие троить, то гармонист играл уже под них. Какая тогда становилась пляска – «заядливая», глаз не оторвать!

Да, а что же Женя Матвеев со своими «частушками-картинками»? Девушки, естественно, махали руками: «Што ты! Не наго, не наго!» И он, прищурился, выдавал:

— *Выхожу и запёваю —
Дробею колóшами;
Не полóхайтёсь, дёвчата,
Буду петь хорошие!*

Трудно поверить, но бытовали и такие, целомудренные, нравы...

Парни «дрóбеют». А может, «троя́т»!?
Снимок 2 августа 1958 года, д. Киндяково.

ФИЛОСОФИЯ КАДРÉЛИ

Легко ли научиться танцевать кадрéль? Как ни странно... легко, и недавний случай это показал! В весенние каникулы 2021 года Этнографический музей кацкарей организовал практикум для учеников средних классов Рождественской школы под названием «Кáцкие бисéды». Его задачей было погрузить современных детей в мир старинной бисéды, а главное – попробовать «сгулять» с ними кадрéль. Так вот: кадрéль дети разучили в два дня! Конечно, уверенность в себе, пластика движений и тем более умение дробить приходят с опытом, но рисунок всех шести фигур ребята запомнили быстро и не сбивались.

Вспомнилось, как учились кадрéли сами работники музея. Было это в 2013 году, к ним пришли местные старожилы – любители этого танца: Анна Игнатъевна Судакова, Зоя Ивановна Михайлова, Василий Васильевич и Нина Ивановна Блохины, Валентина Дмитриевна Великоленова, Лидия Михайловна Тарасова, Евгений Васильевич Григорьев. Рисунок танца тоже был схвачен сразу, а вот его философия пришла с годами.

А философия в том, что кадрéль – это... не вполне танец! Кстати, и старинные кацкари танцем её никогда не называли. Никогда не относили к ней глагол «танцевать» – кадрéль исключительно «гуляли». Движений много (всё-таки шесть фигур!), но все они просты, особенно на фоне других старинных танцев. Думается, это неспроста. Все другие танцы на бисéдах танцевались по желанию, а вот «гулять» кадрéль обязаны были все. Танцевальные же способности у всех разные – вот и выработал народ такие движения, которые получались бы у каждого! Ведь назначение кадрéли – собрать всю пришедшую на бисéду холостую молодёжь вместе, объединить её общим действием. Получается, кадрéль – это скорее... хоровод, тем более что именно хороводы где-то на рубеже XIX-XX веков она и вытеснила.

Рождественские ученики (и учителя) разучивают кадрэ́ль. Снимок Ольги Алексеевны Перовой, 24 марта 2021 года, Мартыновский Дом культуры.

А это «музейные учителя» (и ученики): Зоя Ивановна Михайлова, Николай Викторович Румянцев, супруги Нина Ивановна и Василий Васильевич Блохины. Снимок 16 апреля 2013 года, Этнографический музей кацкарей.

Вторая «пáртея»: Анна Игнатъевна Судакова, Ольга Викторовна Розова, Валентина Дмитриевна Великолепова, Ольга Николаевна Темняткина. Снимок 16 апреля 2013 года, Этнографический музей кацкарей.

«ПОЧИНАЁТСЯ КАДРЕ́ЛЬ!»

Зачин, как говорится, дело красит! Кадрёль часто начиналась с того, что кто-то побойчее выкрикивал:

— *Руби со́сну, руби ель,
Почи́наётся кадрёль!*

Всегда думалось, что на этом и вся «приба́ечка». Ан нет – оказывается, она длинная! Полный её текст, к счастью, сохранил земляк-кацкарь Михаил Иванович Казаков из деревни Запасова. Свои воспоминания он так и назвал – «Запасовская старина». Написал он их в 1978 году, когда ещё многое помнилось.

— *Руби сосну, руби ель,
Почи́наётся кадрёль.*

*Руби, тятинька,
Дёрёво под корень,
Гляди, ма́минька,
Куды валится.*

*Вы отга́йте ми́ня
Куды хо́чется,*

*Вы отга́йте ми́ня´
В торго́вое се́ло,
В торго́вое се́ло –*

Се́ло Кли́матино.

*Што́бы я ли моло́да,
Купчихо́ю была́,*

*Купчихо́ю была́ –
С купцо́м хаживала!*

Климатино – село для кацкарей «заволо́сноё», но к нему тяготела Нижняя Кадка. Интересно, а выше по течению про него же пели?

Молодёжь. Снимок конца 1950-х годов, д. Мартыново.

ФИГУРА ПЕРВАЯ: «В РАСХОДОЧКЮ»

Что ж: «Фигура первая!» – выкрикивал кто побойчей; гармонист заигрывал «соломушку», и бисёда подхватывала:

– *Выхожу и запёваю*

Первую «солóмушку»;

Привет залётке посылаю

В дальнюю сторонушку!

Пляси́цы (танцующие) выстраивались друг перед другом парами – их должно быть чёт. Парни перекруживали под рукой девок, сходились в центр, дробили по кругу и пели частушки. Завершалось дробление очень эффектно – одновременным топаньем ногой, после которого каждый возвращался к своей партнёрше, кружил её на месте и опять шёл в центр. И снова дробление, пение частушек и одновременное звучное топанье, за которым парни шли уже не к своим партнёршам, а к тем, что стояли напротив. Покружив их, опять сходились в центре для дробления и пения частушек. Топнув все вместе ногой, возвращались каждый к своей партнёрше и кружили.

Всё – «первую» отгуляли! Уставшие парни обычно выходили перекурить, а у девок в первой фигуре движений мало: «Стоим, што дуры, и дожидáёмся, когда парни нас покружат!» Девки в перерыве могли затеять какой-нибудь другой танец.

А что до первой фигуры кадрэли, то кацкари её называли по-разному: «Под “соломушку”», «Под частушку» или даже так – «В расхóдочкю». И припевок к ней – в каждой деревне своя:

– *Розмёту́ я, розмёту́*

Все пути-дорожки,

Насажу я, насажу

Гóрькюю калину! – ну, это «невём с чёгó Богдáнинская в ум взошла»...

Исходная позиция к любой фигуре кацкой кадрэли: правой рукой плясёи держит плясёцу за талию, в левой руке её рука.
Снимок Ирины Александровны Давыдовой, 10 июня 2021 года,
Этнографический музей кацкарей.

ФИГУРА ВТОРАЯ: «ПО ЧУЖИМ»

Фигура вторая! Она же – «По чужим». И она же – «Кувшин молока». Это из-за припевки, несколько озорной:

– *Кувшин молока*
Баба выхлёбала,
На обённую пошла –
Еле выстояла!

Мелодия, как и в первой фигуре, плясовая, но наигрыш совсем другой.

Ну а плясы (танцующие) уже выстроились друг против друга парами. Вот парни перекружили под руками девок, вот сошлись в кругу, чтобы подробить и попеть частушки. В общем, начало знакомое, да продолжение иное! Отдробив и топнув враз ногою, парни шли сразу «по чужим», то есть к партнёрам напротив, и кружились с ними. Оставались подле них, но девкам «чужие» не нужны: красивой «перекудочкёй» они менялись местами – уходили к своим изначальным кавалерам и кружились с ними. И опять девкам стоять на месте, а парни сходились в кругу: дробили, пели частушки и гулко топали враз. После второго дробления они возвращались «по своём», перекруживали их, но теперь уже партнёрши всё той же «перекудочкёй» уходили «по чужим» и кружились с ними. Наконец, третье дробление парней, новое возвращение «по своём» и кружение со своими.

Этот рисунок повторялся два, а в некоторые деревнях и четыре раза – вторая фигура была, пожалуй, самой длинной из всей кадрили. Ну как тут обойтись без перерыва!?

Любопытная деталь: играя «кувшин молока», гармонист во время пляски парней всегда переходил на «соломушку». И так во всех фигурах кадрили: какой бы основная мелодия ни была, дробили только под «соломушку» и не иначе.

«Переку́дочья» плясúцы – плясúцы меняются местами.
Снимок Ольги Алексевны Перовой, 29 января 2021 года,
Мартыновский Дом культуры.

ФИГУРА ТРЕТЬЯ: «ПОД “СЁМЁ’НОВНУ”»

Фигура третья – «Под “Сёмё’новну”»... Впрочем, про саму-то Семёновну кацкари пели мало. Всё больше про «голубой сатин», да про «самовар с трубой», да про «гору-горюночку» – да мало ли ещё было на этот мотив припевок!

– Ай, гора-гора,
Гора-горюночка –
Хотя и бóйкяя,
Да сиротюнока.
Я сиротюночка
Да не по матери,
А сиротюночка
По симпатии...

Движения на первый взгляд уж очень простые. Пляси́ (танцующие) становились так, чтобы цгти парами по кругу. Шли. Останавливались. Парни под рукой перекруживали девок и собирались в центре дробить. Дробили, пели частушки и по обыкновению в конце такта дружно топали ногой. Возвращались к своим партнёрам, кружили их на месте. И снова «проходочка» по кругу, но уже в противоположную сторону. Снова остановка, перекруживание под рукой. Снова парни устремлялись в круг, чтобы подробить да попеть частушки. И снова дружно топали ногой, возвращались к своим партнёрам и их кружили. Всё – третью отгуляли!

Со стороны, вроде бы, несложно – знай, води девку по кругу. Другое дело, как водить! Походка, осанка, уверенность в себе – всё это подмечали острые глаза «гляжённых». Для девушек же подобные «проходочки» были своего рода «дефиле»: показом сряды – нарядов. Ну и себя, конечно...

Фигура третья, «проходочья»... Снимок 2 августа 1958 года, д. Киндяково.

ФИГУРА ЧЕТВЁРТАЯ: «ПОСАД НА ПОСАД»

Фигура четвёртая! Самая современная и самая... древняя из фигур кацкой кадрэли. В её основе – не иначе старинная девичья пляска «Бычок», описанная в книге петербургского этнографа И.И. Шангиной «Русские девушки»: плясницы вставали друг против друга двумя «стенками» и «плавным шагом, пристукивая ногами, шли навстречу друг другу, а затем отходили на прежнюю линию». Впрочем, у того же автора приводится другой пример движения друг на друга «стенками» – известный (и «один из самых древних») хоровод «А мы просо сеяли, сеяли...»

Но вернёмся к кадрэли – к четвёртой её фигуре, которую кацкари называли так: «Посад на посад», или даже «Наш посад на вашу дёрёвню». Тем более что и плясицы уж выстроились друг против друга двумя «посадами»! И вот первый пошёл на второй мелким дробным шагом. Дошли, топнули в такт ногой и тем же шагом отступили; кавалеры из «посада», что ходил, перекруживают партнёры под рукой (а второй «посад» всё это время стоит на месте). Дальше – дело известное: парни из обоих «посадов» собирались в центре, чтобы погробить да попеть частушки. Погробили, попели – вернулись к дамам и покружились с ними на месте. А потом – как в зеркале: первый «посад» стоит на месте, наступает и отступает второй «посад»...

Но почему же эта фигура и самая современная? Кто-то из гармонистов, вероятно, уже в послевоенное время сыграл «блатную» мелодию, и прижилось! Николай Иванович Петухов, например, всегда играет «Мама, я шофера люблю...». Довоенная же плясовая была, например, такой:

– *Запрягай, папаша, трóйкю –
Трóйкю быстрых лошадей,
А я сяду и поеду
Прямо к мiленькёй своей!..*

«Проходочка» четвёртой фигуры: «посад на посад».
Снимок Ирины Александровны Давыдовой, 10 июня 2021 года,
Этнографический музей кацкарей.

ФИГУРА ЧЕТВЁРТАЯ! ОНА ЖЕ... ПЯТАЯ?

Юность к старине не внимательна. В 1990-е годы ещё много жило старожилон, помнивших семь фигур кадрэли: вот бы взять в то время да записать! Не до того было – у юности свои интересы... А в наши дни в старожилон ходит послевоенная молодёжь, гулявшая кадрэль из шести фигур. Одна из фигур ими забылась, её уже не воротить...

Но вот в очерке «Руби сосну, руби ель – починаётся кадрэль!» Николай Викторович Румянцев приводит весьма любопытное свидетельство, относящееся к 1940-1960-м годам. Если пар немного (например, четыре), четвёртая фигура гулялась иначе: «Встают как "посад на посад". Партнёры перекруживаются под рукой партнёра. Все парни идут в центр дробить. Отходят к своим партнёрам и их кружат. Затем кружат следующую, и так до тех пор, пока не придут к своей партнёрше, и с ней кружатся».

И вот что подумалось: не есть ли этот вариант четвёртой фигуры – утраченная кацкарями в военное время фигура пятая? Догадка стоит внимания, да только подтвердить её теперь некому... А юность, хоть к старине и не внимательна, слова припевов всё-таки сохранила:

*– Гори, звёздочка,
Гори, ясная,
Розлюбила друга милого
Я не с гордости,
Не с лихой тоски*

Так пели в Мартынове, а в Левцове пятая фигура исполнялась «вальсом»:

*– Любишь, не любишь – не надо,
Я ещё так молода.
Придёшь и поклонись ты мне,
А я посмеюсь тогда.*

Кружение на месте – один из основных элементов кацкой кадრели.
Снимок Ольги Алексеевны Перовой, 29 января 2021 года,
Мартыновский Дом культуры.

ФИГУРЫ ПЯТАЯ-ШЕСТАЯ: «С КОНАВАМ»

И вот вопрос для «Что? Где? Когда?»: что нужно было сделать парню, если во время кадрэли кто-нибудь из гляжённых выкрикивал: «Кона́ва!»? Да то же самое, когда гармонист вдруг прерывал мелодию и наигрывал: «Ку-ка-ре-ку!»

Не догадались!? Ответ простой: поцеловать партнёру!

Поцелуйных фигур в кадрэли-долотё, правда, было всего две: пятая и шестая. Причём пятая полностью повторяла первую, а шестая – вторую. (До войны, когда гуляли семь фигур, первую и вторую повторяли шестая и седьмая). Всё их отличие – в одних лишь «кона́вах» да «ку-ка-ре-ку» с целованиями.

А что, хитро придумано. Вот, встречается парень с девкой, а она: ни-ни, никаких поцелуев! И вся-та надежда – поцеловать в кадрэли... Или сделать вид, что поцеловать, если девка уж больно строга (или если она не по нраву). Но совсем от целований отказаться нельзя – гляжённые за этим следили! И это при том, что нравы раньше были и строгие, и стыдливые. Принародное выражение чувств не приветствовалось, но что касается поцелуйных потех – гляжёные были только «за». Порой даже принуждали перецеловаться всю наличествующую молодёжь:

– А то играли на бисёдах в гáшники: кинут гáшник и крикнут, например: «Марья, тóнёт Николай!» И Марья должна поцелова́ть Николая. А коли не захочёт, её́ стеганут – лёгóнькё, конёшно. За парням кидали гáшник девки и кричали имёна парней.

Так с чего же такая несвойственная времени вольность? Этнографы пишут, что все эти поцелуйные моменты – пережитки былой инициации: обряда посвящения во взрослые. Проходя через испытания поцелуями, молодёжь тем самым показывала свою зрелость и готовность вступить в брак.

На бисёгу! И гармониста-баяниста своего вырастили – Пánку Калинина.
Снимок около 1938 года, д. Боково.

МОДА НЕ УРОДА...

– Мода не уро́да, был бы чело́век! – говорят кацкари. Но с другой стороны, помните, как там у Чехова – «в человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда...» Документы позволяют проследить, как приходила мода в Кацкий стан.

Артемьев А.И. «Летние месяцы, путевые записки во время экспедиции в Ярославскую губернию...», 13 июля 1852 года: «Почевать приехал я в деревню Бибяки́, где застал шесть девок, поющих какую-то песню... Страшный северный ветер, некрасивость девок и бедность их костюма побудили меня поскорее отправиться в отведённую квартиру и улечься спать».

Казаков М.И. «Запасовская старина»: «До 1880 года молодёжь, уходя на гулянки в соседние деревни, обувала лапти, а сапоги ко́женные брала с собой, завёрнутые в платке. Придя к дому, где собрались девицы, лапти с ног снимали и прятали в загáту (завалину), а сапоги обували».

Николо-Топорская летопись, 1 августа 1893 года: «К праздничным нарядам молодёжи прибавляются мало помалу часы, запястья, изысканные кольца и брошки, а также последнего модного фасона одежда и обувь, доселе мало распространённые среди бедных».

Летопись базаров села Рождествена в Кадке, январь 1903 года: «Ничем так бойко не торгуют, как мануфактурой – роскошь на наряды мир заела!»

...В 1930-1950-е годы стало не до моды – уж слишком голодные то были времена. Но привычка хорошо одеваться на людях осталась – как же перехитрить бедность? Перешить наряд! Доставали из сундуков старые материнские платья, перешивали своё единственное на другой фасон. И даже в перерыве между фигурами кадрэли возьмут, да старый воротник и отпорют; пришьют новый – вроде, и прежний наряд, да всё не тот!

На «в́ыход» кацкари одевались (и одеваются) по-городски – вот, как семья Муравьёвых. Снимок 1910 годов, г. Аристово.

ЧАСТУШКА, КАДРЁЛЬ, БИСЁДА

А мода – она ведь не только на одежду. Песни, танцы и даже обычаи тоже устаревают и меняются на новые. Нам почему-то кажется, что старинная деревня – это нечто законсервированное, бесконечно однообразное, застывшее на долгую тысячу лет. Прямо как в современном мультфильме: «Киевская Русь, говоришь... Знаю – балалайка, матрёшки и три богатыря!» Но на деле балалайка известна только с XVII века, матрёшка – с конца XIX-го, а богатыри там, в Киевской Руси, и остались...

Та классическая русская деревня, что в наших головах – это примерно рубежа XIX-XX столетий. Именно тогда входила в моду знаменитая теперь частушка. Да-да, частушка как жанр совсем молода; трудно, конечно, это представить, но двести лет назад её ещё не знали и по праздникам не пели. Кацкари её первоначально называли «погудка», а всем привычное слово «частушка» ввёл в оборот писатель Глеб Успенский в 1889 году.

Кадрёль, без которой невозможно представить деревенскую бисёду, между тем стали гулять где-то с середины XIX века. Этнограф Александр Иванович Артемьев, побывавший в Кацком стане в 1853 году, такого народного танца ещё не знал и с удивлением записал о девках, певших «какую-то песню, очень похожую по складам и фразам на романс, но они пели по-хороводному и через пару выплясывали».

Так что мир меняется, и бисёды сто лет назад были совсем не такие, как двести... Кстати, а откуда у кацкарей такое странное название для посиделок – бисёды? Ведь в русском языке «беседа» – «разговор». Это сейчас, а в пору славянского единства «беседа» – «временпрепровождение вне дома»: «бес(з)» – по-старославянски «снаружи», а «седа» – «сиденье». Выходит, как ни переменчивы моды, что-то остаётся на века, и это «что-то» не даёт угаснуть связи с давным-давно отжившими предками.

О дате рождения
гармошки
исследователи спорят:
1783 год или 1822-й?
В любом случае, тоже
«недавнее» изобретение!
Снимок начала
1950-х годов,
д. Киндяково.

СЮЖЕТ ДЛЯ БОЕВИКА

Из сегодняшнего дня это кажется пересказом остросюжетного фильма:

– Бывало, у нас в Мартынове гуляньё – кадрэль: фигуры первая, вторая... Парни гуляют, а мы, пацанята, на дежурстве: сидим, на огумна поглядываем. В углу клуба с утра нарубленные колья... И вот кричим: «Едут! Едут! Дьяконóвские едут!» Из Деревязинского леса выезжает с пятнадцать подвод – рóспуски, на них сено, а из-под сена, што ежи, колья...

Жутковато!? И тем не менее это не фильм – это правда послевоенного времени. Прежде-то, по единодушным воспоминаниям кацкарей-старожилов, драк в наших деревнях почти не случалось, зато в 1940-1960-е годы без «чѐсанки» обходилась редкая сборная бисѐда. Что так ожесточило молодых мужиков да парней – Бог весть; наверное, вкупе революция, раскулачивание, коллективизация, войны...

Дрались по поводу – например, один другого поддел в кадрэли частушкою. И без повода – это когда на бисѐду вваливалась толпа парней, ни слова не говоря сшибала керосиновые лампы и давай «мѐтѐлить» всех без разбору. Кто в окно выскочил, тот и уберѐгся! Дрались не только кольями – у самых отчаянных водились кованые трости, «перчатки»-кастеты и ножи. Особым озорством славились «дракуны» с Никóльщины, не боявшиеся ссор даже с такими крупными селениями, как Мартыново.

– ...И вот едут дьяконóвские. Кадрэль останавливалась; парни разбирали колья и выходили на Бухалово. Дьяконóвские, оставив по человеку у подводы, бѐжали навстречу – тоже с кольям. И пошла хлыснѧ! Иной раз парням пособляли мужики. А бывало, и бабы. Помнится, заступалась за мужа Надѐнка Мелѐшкина, дак ей по голове жорздуною... Как отпор хорошой, дак дьяконóвские отступали – разворачивали подводы и быстрѐхонко восвосяси...

Мда-а, чем не сюжет для боевика!?

То ли драка, то ли так – баловство... Снимок начала 1970 годов,
д. Мартыново.

«ТАМ НЕ ВЫРОСТЁТ ТРАВА...»

– Убили! Убили! Мишку Кубасова зарезали! – эта весть быстро разлетелась по деревням. А на ближайшей бисёде третью фигуру кадрёли уже гуляли под припевку:

*– Во Запáсове Кубáсов Миша жил –
На бисёдушки он гулять ходил.
Он гулять ходил и не знал того,
Што оргiнские хотят убить ёго!*

*А оргiнские на Мишу злилися
И убить ёго уговорилися.
Колом ударили, упал в сторонушку –
Потрёвожили ёму головушку.*

*Засвёркал тут нож, и погиб герой,
Толькё вскрикнуть мог: «Прощай, мой дом родьмой!
Прощай, мой дом родьмой! Прощай, моя семья,
Из-за товарищей погибаю я!»*

О Мишке Кубасове говорили разное: за кого он заступался – хвалили, кого обижал – хаяли. Ненавистников было больше, потому как в драках он преуспел и пытался верховодить, а кому это понравится? И вот парни оргинской стороны задумали Мишку извести. Он же, по закону жанра, скорую свою гибель предчувствовал и, когда 19 августа 1945 года отправился на обещанный праздник в Богданку, будто бы сказал:

– Тётя Нюра, не закидывай остáтней сноп на о́мет, понадобится он меня мёртвого оммывáть!

Да он и на бисёду-то не торопился, загостился у родственников, отправив в клуб своего верного «адыютанта» Ваньку одного. В клубе уже гуляли кадрёль. Ванька сел на лавку. Тут одному из оргинских

парней, Жоржику, стало жарко: он снял пиджак и бросил на лавку, где Ванька. Ваньке это не понравилось, он скинул пиджак на пол. Жоржик:

– Положи, где было!

Ванька:

– Нет!

Жоржик на Ваньку дратья, тот в окно. Народ, чувствуя приближение грозы, врассыпную. Мишка явился скоро:

– Кто здесь против Кубасова? – гремел он посреди клуба.

Жоржик в это время стоял в сенях с деревянным запором в руках и тоже выспрашивал:

– Ну ты чё, за Кубасова што ли?

– Не! – шарахались выходящие. Сам Кубасов ответить не успел – Жоржик запором его оглушил. А потом и остальные кто ножом, кто шилом искололи-изрезали. Тридцать проникающих ран насчитали родственники – где тут выжить!?

Похоронили Мишку: для кого – героя, для кого – злодея; он и сам, было дело, зарезал парня до смерти в Мёলেখове на бисёде. Собака его, огромный рыжий пёс по кличке Заливай, уж больно тосковала – с могилы не уходила... А народ о том случае сочинил песню. Да частушек несколько, которые нет-нет, да и вспомнятся иной раз стариками:

– *Как ордёнские робята*

По Богданке бегали –

Из Запасова Кубасова

До смерти зарезали!

– *Где Кубасова убили,*

Там не вьростёт трава;

Где ёго похоронили,

Там завянут дерёва.

Патефон вместо гармошки... Снимок начала 1960-х годов, д. Киндяково.

ГОНЕНИЯ НА БИСЕДЫ

«...Получен приказ духовной консистории, обязующий принимать пастырские меры против деревенских посиделок, вредно влияющих на народную нравственность. В числе рекомендованных мер борьбы со злом предлагается усиление проповедничества на эту тему», – записали в 1894 году составители Николо-Топорской приходской летописи. Это не первое гонение на биседы. И не последнее... Любопытно, что и советская власть их не жаловала, хотя, казалось бы, должна поддерживать всё то, от чего стремились избавиться при царе.

И вот первыми «пали» будничные зимние биседы, переставшие собираться в начале 1930-х годов. Причина понятна – коллективизация. На зимних биседах в основном пряли лён, выращенный в собственных хозяйствах, а с образованием колхозов личного льна не стало – пропал и повод для совместного времяпрепровождения. А вот сборные биседы по престольным да обещанным праздникам оказались настолько живучими, что собирались даже в годы Великой Отечественной войны:

– Кругом бомбят, а мы на биседы! Гармониста за зёрно рядим, остатней хлебешко собираём. И карасин стопкам, штобы при свете сидеть.

...Решающим стал «натиск» 1964-1965 годов. Старожилы этот момент помнят: кадрель была объявлена дикостью, гармошка – отсталостью; в клубы наехали «инструкторы» и учили молодёжь современным танцам.

Однако почему биседы надо было непременно изжить? Неужели, чтобы сохранить «народную нравственность»? Думается, для властей они были неудобны сами по себе – как форма организации досуга. Вернее, «самоорганизации досуга». Без каких-либо понуждений сверху и соответственно без надзора с завидной регулярностью люди целыми деревнями собираются вместе. Что они делают? О чём говорят? Не вышло бы чего худого из этих «несанкционированных собраний»...

ОТ ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ ДО КЛУБА

Сельские клубы не всегда назывались клубами, а Дома культуры – Домами культуры. Прежде были избы-читальни и народные дома. В России они появились, как пишут, ещё в царское время, да только не у кацкарей. В Кацком стане эти досуговые учреждения открывала советская власть – причём сразу и много: в 1920-х годах по реке Кацке работало три народных дома и 48 изб-читален. Хотя как «работало»... В Ковезине, например, «народный дом значитса только на бумаге, мероприятия в нём не проводятся и даже заведующего в нём не имеетса», – это из отчёта 1922 года.

Предполагалось, что избы-читальни и народные дома должны были выдавать книги, устраивать громкую читку газет и прослушивание радиопередач, заниматься кружковой работой, лекциями и концертами художественной самодеятельности – в общем, вести культурно-просветительскую работу. Но на деле за что бы ни брались избачи, всё равно выходили... Бисёды! А иначе и быть не могло: специально подготовленных кадров не имелось, да и народ не был готов к иным формам досуга.

Ситуация стала меняться с 1950-х годов, когда у государства дошли руки и до культуры на селе. Избы-читальни разделили на библиотеки и клубы, среди завклубов появились если не выпускники культпросветучилищ, то хотя бы закончившие специальные курсы. Им в помощь приходила методическая литература, в том числе готовые сценарии праздников и новых советских обрядов. Укрепилась материально-техническая база, в клубах стали регулярно показывать кино. А что до народа, то и он изменился: подросло поколение, восприимчивое к иной, «городской», жизни.

Да и убывал народ по деревням, как снежок вешний... К 1970-м годам клубы остались в основном на центральных усадьбах колхозов: в Ковезине, Балáкиреве, Рождествене, Аристове, Летикове, Мартынове, Платунове, Ордине. Они-то и стали средоточием жизни всей кацкой молодёжи.

Первые избы-читальни и клубы открывались в отобранных у хозяев и муниципализированных избах. Снимок 1958-1959 годов, с. Ординó.

КЛУБНАЯ ЖИЗНЬ

– Ну что, во сколько сегодня в клуб-то пойдём?

– Сегодня у нас сено, давайте после одиннадцати!

Что ни говори, а вся жизнь деревенской неженатой молодёжи 1970-1990-х годов крутилась вокруг местных клубов. Общались, танцевали, репетировали, влюблялись... Клубы в ту пору работали ежевечерне кроме понедельников, а до которого часу – как завклубом пожелает. Некоторые из них доверяли молодёжи настолько, что оставляли ключи, и клуб был открыт до рассвета.

Но этнограф на то и этнограф, чтобы найти архаику в любом, даже самом современном, явлении. Старина так сразу не уходит, и в клубной жизни кацкой молодёжи всё ещё оставались отзвуки былых бисёг.

Так, как когда-то бисёды, клубы держались на девушках. Ответственность за оформление, подготовку к мероприятиям да и сам внутренний распорядок негласно лежала на них; парни во всём этом тоже, конечно, участвовали, но инициативы, как правило, не проявляли. Зато ими было принято объезжать соседние клубы – так же, как их отцами объезжать соседние бисёды: с той лишь разницей, что отцы это делали на лошадах, а их сыновья на мотоциклах.

Гулянья в тёплое время тоже никуда не делись, только уже не с гармошкой, а с транзистором или магнитофоном. Впрочем, среди парней считалось престижным выучиться игре на гитаре, и живая музыка во время гуляний молодёжи всё-таки звучала.

И «гляжённые» на молодёжные дискотеки до самых 2000 годов приходили! В плащах, резиновых сапогах, при патожках (посохах) и фонарях; усядутся в зрительские кресла и начнут кричать:

– Включите свет!

И ведь надо же: молодёжь подчинялась и отключала светомузыку...

«Сегодня праздник у девчат, сегодня в клубе танцы...»
Снимок начала 1970-х годов, д. Мартыново.

«Медяк...» Снимок начала 1970-х годов, д. Мартыново.

Зрительный зал в сельских клубах служил и танцолом. Снимок начала 1970-х годов, д. Мартыново.

К заметке «Ранние браки – поздние дети»

У нас баба Катя, которая тоже в 16 лет замуж вышла, говорила, что женщин в старину старались беречь (так как ранние роды для организма не полезны).

Ирина Геннадьевна Дугочкина

К заметке «А-ха-ха!»

Моя бабушка Тамара Павловна Ершова из деревни Мартынова, бывало, пела:

*– Говорят, што боевая,
Боевая я и есть –
Нынче смирные не в моде,
Боевым большая честь!*

Павел Юрьевич Осокин

К заметке «Где мои семнадцать лет...»

Вспоминаю наших сёмнатушок – заводил-плясуний: Пинушку Кошакову, Надёнку Панову, Тонюшку Орлову. Ни один православный праздник не обходился без их озорных частушек и припевок. А где частушки, там и гармонь. Как услышу звук гармошки, так сердечко и ёкнет! У нас были хорошие гармонисты-самоучки Саша Никитин из Новинки и Володя Воронов из Чижова. Последний и ныне здравствует, не забывает родные места. «Соломушка» и «Семёновна» будут долго жить в наших сердцах; пока живы, будем вспоминать эти плясовые, вспоминать, как дробили под них – как в том фильме: «Дело было в Пенькове».

Александр Васильевич Шаров

Мама, когда приезжали подруги-землячки, любила повспоминать эти бисёды. Я помню разговор про хулиганский поступок, когда на печную трубу положили стекло и как наутро хозяевам было невесело. Вроде, как кого-то на ту бисёду не пустили... Бывало, гуляли почти до утра, и на работу. А то ещё в каком-нибудь селе километров за семь пешком и с песнями, а потом на работу! Интересно было их послушать!

Светлана Юрьевна Паклина

На бисёды парни обувались в сапоги-гармошки: у кого простые кирзовые, у кого хромовые – обязательно начищенные до блеска. Рубашки белые были не у всех, поэтому лицевую сторону и рукава шили из белого материала, а всё остальное – из тёмного. Обязательно воротник белой рубахи был на выпуск, накладывался на воротник «пинжакá» (пиджака). Зимой в ходу было полупальто с широким цигейковым воротником и большими пуговицами в два ряда. Шапки-ушанки не завязывались, а загибались краями наверху. Также носили шапки-кубанки и папахи. Девчата обязательно носили бусы, брошки, часики на тоненьком ремешке, на голове – «косóк» (шаль).

Драки после бисёд и гуляний были неотъемлемым атрибутом тех дней. Рассказывали, в одной из них между «рождественскими» и «восьмимартовскими» вымяли целое поле ржи! В Ковезинский медпункт привозили раненых, как с передовой. Местный фельдшер оперировал пострадавших, как в своё время на фронте, где он приобрёл большой опыт по части медицины. Звали его Владимир Алексеевич Копейкин; местные жители были очень благодарны ему за качественное обслуживание, а врачи больницы, куда направлял Владимир Алексеевич, всегда отмечали его профессионализм в поставленных им диагнозах.

Александр Васильевич Шаров

**К заметке «Песня про овдеевскую девку Нюрку,
которая удушилась»**

В песне история про моего дядю Михаила Васильевича Чиркова из деревни Мартынова. Это он женился на Нюре, которую очень любил, но она любила другого, который её бросил. Позднее Михаил Васильевич женился на мартыновской Шуре Чирковой, но счастье не задалось и с ней – пара разошлась. Был у них сын Саша тоже со сложным окончанием жизни...

Наталья Борисовна Фишина

К заметке «Пару слов про гармониста»

Николай Максимович Виноградов – младший брат моей бабушки Шуры. Для меня он был дядей Колей – он всего на десять лет старше моего отца Михаила Александровича Соловьёва. Очень хорошо его помню – правда, в основном только на праздниках. И как играл, и как весело было с ним...

Играл и мой отец на баяне. И неплохо. До самой старости. И баян, что на фотографии, я помню – любил в детстве (уже в Питере) кнопки нажимать.

Александр Михайлович Соловьёв

У Ивана Николаевича Чуракова старший брат Алексей Николаевич тоже хорошо играл на гармошке. Особенно любил «Имел бы я золотые горы...» играть для своей любимой жены Анны Васильевны.

Любовь Николаевна Шкода

Помним-помним Ивана Николаевича Чуракова. Прекрасный гармонист и душевный человек!

Николай Михайлович Батурич из Воскресенского. На многих свадьбах мы слышали его игру, любовались, а в детстве влюблялись в красавца-гармониста и не только за игру, а за душевные качества этого человека.

Виталий Бодю. Хотя лично не знакома, а только по общению в соцсетях – заслуживает большого восхищения. Живя какое-то время в Санкт-Петербурге, он и там был в авангарде – увидела его с гармошкой в праздничной колонне на Дворцовой площади. Точно! Кацкие ребята нигде не пропадут!

Почему-то не упомянут гармонист из деревни Бибикова Иван Григорьевич Моховиков. Мы его звали просто дядя Ваня.

Антонина Алексеевна Ангелова

А про знаменитого баяниста Модылина начала прошлого века никто не слышал? Мне о нём рассказывал Константин Иванович Горячёв (1910-1993) – уроженец деревни Павлово. Модылин – баянист из деревни Борисовки, потом он играл в ресторане на Большом проспекте Петроградской стороны в Ленинграде.

Николай Михайлович Шварёв

К заметке «Частушечные “дуэли”»

А у нас в Платунове поют так:
 – *Подробить – как подробить,*
Штóбы подробíлся!
Полюбить – как полюбить,
Штóбы сёрцо бíлося!

Татьяна Геннадьевна Иванова

В большие престольные праздники подмечались чисто «парняцкие» пляски под гармонь, отличавшиеся своей бесшабашностью и разухабистостью. В частушках выражалось, какие они хулиганские и отчаянные «робята»...

– *Финка-ножик на цопóчке,
А цопóчка на рёмнé –
Кулигáнская рёзúна
Опоясана на мне.*

– *Погулял бы я, товарищ,
Погулял бы, дорогой –
Мёшáют каменные стены:
За углом стоит конвой.*

– *Погуляю я, товарищ,
Погуляю молодой –
Некоузская милиция
Побéгаёт за мной!*

Никогда не приветствовал матерную составляющую в частушках – на мой взгляд, она лишь подчёркивает убогость и пошлость поющих. То ли дело юморные, которые отображены и в вашей, в частности, публикации.

Александр Васильевич Шаров

К заметке «“Бисёды” Валентины Николаевны»

Бабушка вспоминала, что в Ильин день, бывало, ещё с вечера ставила на подокóнок крынку молока и какое-нибудь пéчиво. И окно открыто! Так у них в Черноусове подкармливали парней из чужих деревень, пришедших на бисёду и оставшихся ночевать на

сеновалах. Парни молодые, поешь-то утром охота! (А не оставишь, так заберутся в укоронку и сами чего найдут...)

Елена Алексеевна Великолепова

К заметке «Кадрэль кадрэли рознь»

И верно, в мышкинских деревнях кадрэль совсем по-другому гуляли. И музыка другая, и припевка у них какая-то чудная была: «Капуста-капуста, россáдушка...»

Евгений Викторович Бычков

К заметке «Искусство дробить»

— *Твоé ноги кривоноги:
Нечёртá не топают;
Поглядú-ко на моé —
Как онé робóтают!*

Тамара Павловна Пушкина

К заметке «Мода не урёда...»

Да, у бабушки платочки были домашним и «на выход». Так же и одежда. Мама рассказывала, что тоже на бисёды сами перешивали из старого. И очень много сами вязали воротнички к платьям. Больше всего мне запомнился рассказ про парусиновые туфли, намазанные мелом к походу на бисёду.

Светлана Юрьевна Паклина

К заметке «Сюжет для боевика»

Мне бабушка тоже рассказывала, как она однажды в окно выпрыгивала! А у моей прабабушки Анастасии Смирновой из Трошеева было три сына, в том числе мой дед Виталий Рыбаков, и они, как собирались на бисёду, точили ножи в огороде.

Денис Андреевич Другов

Мама тоже рассказывала про драки с соседними деревнями. Боялись этих разборок! Хотя с моим отцом она познакомилась на бисёде при таких же обстоятельствах. Сам он из Хороброва, силищи немереной и подрасться был не прочь. А звали Юрий Иванович Белов. Мама рассказывала, что его побаивались.

Светлана Юрьевна Паклина

К заметке «От избы-читальни до клуба»

Действительно, сколько было маленьких клубов, кроме озвученных в заметке, на моей памяти. И в Кривцове, и в Большом Поповичеве... Туда мы, школьники, ездили с агитбригадами – так раньше назывались наши выступления. Это были 1969-1972 годы.

Антонина Алексеевна Ангелова

К заметке «Клубная жизнь»

Мы, парни, в своём клубе очень мало гуляли, всегда ездили по всей округе. Причём чем дальше, тем лучше! Из Платунова в Рождествено или Богородское, а в Мартынове – так практически свои были!

Денис Андреевич Другов

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Баранов Д.А. и др. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2005 год.

2. Шангина И.И. Русские девушки. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007 год.

3. Русские: история и этнография. Москва: АСТ, Олимп, 2008 год.

4. Воловник Н.С. У истоков русского фольклора. Москва: РИО Мособунрполиграфиздат, 1994 год.

5. Бутусова А.Н. Деревня Мартыново в метрических книгах 1780-1807 годов // Кацкая летопись № 1 (169), зима 2014 года.

6. Бутусова А.Н. Брачные обыски мартыновских крестьян 1808-1831 годов // Кацкая летопись № 3 (175), лето 2015 года.

7. Бутусова А.Н. Мартыновская семья в исповедных книгах 1803-1848 годов // Кацкая летопись № 1 (181), зима 2017 года.

8. Бутусова А.Н. Деревня Мартыново в метрических книгах 1808-1861 годов // Кацкая летопись № 1 (185), зима 2018 года.

9. Бутусова А.Н. Брачные союзы мартыновских крестьян в 1861-1920 годах // Кацкая летопись № 1 (189), зима 2019 года.

10. Иванова-Шершнева С.К. Милое-милое Юрьевское // Кацкая летопись № 2 (145), весна 2008 года.

11. Чуракова Л.И. Как, бывало, в Мартынове пели... // Кацкая летопись № 1 (8), январь 1994 года.

12. Чуракова Л.И. Песни нефинской сторонки // Кацкая летопись № 3 (10), март 1994 года.

13. Чуракова Л.И. Есть у нас село такое, Юрьевским зовётся // Кацкая летопись № 5 (12), июнь 1994 года.

13. Чуракова Л.И. Выхожу и запеваю... // Кацкая летопись № 10

(29), июль 1995 года.

14. Казаков М.И. Запасовская старина // Кацкая летопись №№ 1-4 (135-139), зима – осень 2006 года.

15. Румянцев Н.В. «Руби сосну, руби ель, починаётся кадрель!» // Кацкая летопись № 4 (172), осень 2014 года.

16. Иванова В.Н. Про «бисёды», про танцы наши да про складчыны // Кацкая летопись № 3 (187), лето 2018 года.

17. Темняткин С.Н. Косарь, заслонок и самоварные трубы // Кацкая летопись № 16-17 (35-36), ноябрь 1995 года.

18. Темняткин С.Н. Сидим, пьём чай, празднуем Серафимов день // Кацкая летопись № 1-2 (39-40), январь 1996 года.

19. Романюк В.А. «Где Кубасова убили, там не вырастет трава» (к истории создания песен о гибели Михаила Кубасова) // Кацкая летопись № 1 (140), зима 2007 года.

20. «Из Запасова Кубасова до смерти зарезали» (читательские отклики на статью о гибели Михаила Кубасова) // Кацкая летопись № 3 (142), лето 2007 года.

21. Зайчикова О.Г. Культурно-просветительные учреждения Кацкого стана в 1920-е годы // Кацкая летопись № 2-4 (166-168), весна – осень 2013 года.

22. Летопись церкви села Никольского, что на Топоре, Мышкинского уезда // Кацкая летопись № 4 (138), 2006 год (спецвыпуск).

23. Темняткин С.Н. Я покону кацкого! Учебник по кацкой этнографии // Кацкая летопись № 4 (151), 2009 год (специальный выпуск).

24. Шкурина Т.Г. Роль возрастной инициации в процессе социализации ребёнка // Этнографическое обозрение № 1, 2014 год.

25. Тендрякова М.В. Первобытные брачные инициации в круге

«вечных» вопросов // Этнографическое обозрение № 1, 2014 год.

26. Мухина З.З. Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени // Этнографическое обозрение № 2, 2014 год.

27. Артемьев А.И. Летние месяцы, путевые записки во время экспедиции в Ярославскую губернию с целями статистическими и по части собирания сведений о раскольниках. 1852 год // сайт «Село Великое»: www.velikoe-museum.ru (дата обращения 06.06.2021 года); оригинал хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

28. Сведения о базарной торговле в Ярославской губернии. Приложение к журналу «Вестник Ярославского земства». Ярославль, 1903-1904, издание Ярославской губернской управы.

А также записи, выполненные автором в ходе полевых экспедиций по Кацкому стану в 1991-2021 годах, и комментарии подписчиков сообщества «Кацкая летопись» в социальной сети «ВКонтакте».

Уж замуж невтерпёж	4-5 стр.
Ранние браки – поздние дети	6-7 стр.
Приказано венчаться	8-9 стр.
Женихи – кацкари, а кто невесты.....	10-11 стр.
Инициация по-деревенски	12-13 стр.
Какое детство без... труда	14-15 стр.
Вот тебе и «деревня»	16-17 стр.
«Отрываются от учения»	18-19 стр.
«Трудовые будни» деревенских школьников.....	20-27 стр.
Робё'нко-пагёрё'нко	28-29 стр.
Испытание городом.....	30-33 стр.
«Милой в армию пошёл».....	34-37 стр.
«Девке – не в солдаты!»	38-39 стр.
А-ха-ха!.....	40-41 стр.
Где мои семнадцать лет	42-43 стр.
Когда бисёды не найдёшь.....	44-45 стр.
От бисёд и до бисёд	46-47 стр.
Сами себе завклубами.....	48-49 стр.
«Тяжолó Дуняшеньке...».....	50-51 стр.
Песня про овдеевскую девку Нюрку, которая удушилась	52-55 стр.
«Где Маня гуляёт?»	56-57 стр.
Пару слов про гармониста.....	58-64 стр.
Не баян, так... косарь!.....	65-69 стр.
Придут парни на бисёду.....	70-71 стр.
«Ой, да спой, Саша!»	72-75 стр.

Эх, яшенка да на заслоночке!	76-77 стр.
Гляженные старинные и теперешние	78-79 стр.
Ещё про зимние бисёды	80-81 стр.
Молодёжные «гуляньица»	82-83 стр.
«...Застал я хоровод»	84-85 стр.
Частушечные «дуэли»	86-88 стр.
Бисёды простые и бисёды «сборные»	89-90 стр.
Бисёды Валентины Николаевны	91-93 стр.
Кадрэль кадрэли рознь	94-95 стр.
Искусство дробить	96-97 стр.
Философия кадрэли	98-101 стр.
«Починаётся кадрэль!»	102-103 стр.
Фигура первая: «В расхóдочкю»	104-105 стр.
Фигура вторая: «По чужím»	106-107 стр.
Фигура третья: «Под Семёновну»	108-109 стр.
Фигура четвёртая: «Посад на посад»	110-111 стр.
Фигура четвёртая! Она же... пятая?	112-113 стр.
Фигуры пятая-шестая: «С конáвам»	114-115 стр.
Мода не урога	116-117 стр.
Частушка, кадрэль, бисёда	118-119 стр.
Сюжет для боевика	120-121 стр.
«Там не вёростёт трава...»	122-123 стр.
Гонения на бисёды	124-125 стр.
От избы-читальни до клуба	126-127 стр.
Клубная жизнь	128-131 стр.
Комментарии читателей	132-138 стр.
Литература и источники	141-143 стр.

Краеведческое издание
Этнографический музей кацкарей

Темняткин Сергей Николаевич

Я покóну кацкого! Этнографические заметки

Книжка 3

Книга издана Ярославской областной общественной организацией краеведов «Кацкий стан» на средства, заработанные в туризме

Подписано в печать 15.10.2021 г. Формат 60x90/16.

Усл. печ. л. 8,25 уч. изд. л. 6,5

Тираж 210 экз.

Издательство «Аверс Плюс»,
Ярославль, ул. Победы, 34
тел./факс (4852) 97-69-22